
ЛИ МУРР
ПРИСНИСЬ
МНЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Ли Мурр
Приснись мне на всю жизнь

https://litres.ru/74782518

Аннотация

Я думала, что сошла с ума, тоскуя по мужчине, которого выдумала.

Я думала, что этот мир — мой дом, а тот — лишь яркая вспышка сознания.

Я ошибалась.

Он нашел меня в реальности, чтобы доказать: наши чувства — единственная правда во всех мирах. У нас есть двое суток, одна ночь и бесконечность, которую мы выберем сами.

История о любви, которая ломает законы физики. О страсти, которая сжигает мосты. И о том, что иногда, чтобы проснуться по-настоящему, нужно уйти в другой мир.

#служебныйроман #попаданканаоборот #властныйгерой #истиннаяпара #встречачерезмиры #настоящая_любовь #18+

КНИГА С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ❤#

Саундтреки в сердечко ❤#

Мачете - "Нежность"

Ночные снайперы - "Катастрофически"

Ваня Дмитриенко - "Ртуть"

Содержание

Хозяйка таверны 4
Два мира 58
Герцогиня Белого Озера 116
Конец ознакомительного фрагмента. 117

Хозяйка таверны

***

На самом краю старого леса, там, где разбитый тракт делал крутой поворот к городу, стоял дом. Снаружи мир был суров и небезопасен — здесь не водилось сказочных чудовищ из детских страшилок, но в этих краях они были и не нужны. Самыми страшными тварями здесь были люди. Но окна первого этажа таверны неизменно светились теплым, манящим светом. Это было место, где путник мог согреться у массивного очага и отведать лучшего жаркого в этих краях. Слава о ее стряпне шла впереди нее, и многие спешили остановиться здесь перед шумным городом.

А на втором этаже прятался ее личный, закрытый мир. Спальня с тяжелыми деревянными ставнями, уютная гостиная, где пахло сушеными травами, и библиотека, чьи полки ломились от книг. Она жила здесь ровно год. А то, что было до этого... скрывал густой, непроницаемый туман. Она не помнила ни своего имени, ни того, как оказалась в этом чуждом ей мире.

Когда она спускалась к гостям — подать еду или протереть один из четырех дубовых столов, — посетители невольно

но замолкали. Простой люд — торговцы, ремесленники, возничие — не терял от нее голову. Нет. Они скорее ее не понимали. И от этого непонимания инстинктивно опасались, держась на почтительном расстоянии.

Она была для них слишком... другой. Слишком необычной для хозяйки придорожного трактира.

Густые темные волосы ложились на плечи мягкими, тяжелыми волнами. На ней было платье глубокого, благородного изумрудного цвета — ткань плавно и мягко облегала фигуру, подчеркивая женственные изгибы, а в вырезе деликатно белело тончайшее кружево сорочки. Эта сдержанная, но невероятно манкая элегантность сбивала с толку грубых мужиков.

Но больше всего их смущал ее взгляд. Большие серо-зеленые глаза смотрели на этот жестокий мир спокойно, вдумчиво и немного отстраненно — так смотрит человек, который пытается разгадать сложную головоломку. В ее плавных движениях и тихом голосе не было ни заискивания трактирщицы, ни грубости местной бабы. В ней чувствовалась скрытая порода и тайна, к которой простолюдины боялись даже прикоснуться. Они молча ели свою невероятно вкусную похлебку, бросали на нее короткие, настороженные, но завороженные взгляды и спешили по своим делам.

***

Поскольку сама она не помнила своего имени и никогда не представлялась, местные завсегдатаи стали называть ее Элиной. В этом мягком, перекатывающемся на языке имени было что-то неуловимо нездешнее, как и в ней самой.

Многие в округе поражались ее безрассудной храбрости. Жить одной на отшибе, на границе Темного леса? В мире, где закон писался сталью, где всем управляла грубая сила и где всегда был прав тот, кто сильнее? Для одинокой женщины это было равносильно самоубийству. Но никто не смел ее тронуть. Возможно, их останавливал этот самый ее отстраненный, серо-зеленый взгляд, в котором не было привычного животного страха жертвы.

Люди не понимали, что ее смелость была не от отваги воина, а от странного оцепенения. Для Элины этот мир был соткан из парадоксов: он был пугающе осязаемым — с жаром очага, запахом свежего хлеба и тяжестью дубовых столешниц, — но одновременно ощущался как затянувшийся, глубокий сон. Она жила с постоянным, фоновым чувством иллюзорности происходящего. Ей казалось, что стоит только сильно зажмуриться, встряхнуть головой, и она проснется. Вернется туда, где ее настоящий дом, в жизнь, которую она забыла. Эта вера в то, что всё вокруг — лишь реалистичное

сновидение, и служила ей непробиваемой броней.

Но в тот день всё изменилось.

Утро началось как обычно: Элина спустилась вниз, поправила тяжелые складки изумрудного платья, растопила очаг. И вдруг... Ткань реальности вокруг нее словно натянулась до предела. Воздух зазвенел, как перетянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

Чувство спасительного сна внезапно испарилось, обрушив на нее всю тяжесть настоящего момента. Это было похоже на то, как лунатик, безмятежно идущий по карнизу, вдруг распахивает глаза и с леденящим ужасом осознает: он стоит на самом краю крыши. Под ногами — бездна, дует холодный ветер, и одно неверное движение означает смерть.

Элина судорожно вдохнула, схватившись тонкими пальцами за край стола. Иллюзия неуязвимости рухнула. Жестокий мир, в котором правил закон силы, вдруг оскалился и посмотрел ей прямо в глаза. Ей стало невыносимо, до дрожи страшно.

Впервые за весь этот год, проведенный в таверне, она смотрела на тяжелую входную дверь не со спокойным равнодушием, а с замиранием сердца. В этот день, кутаясь в свое

платье как в щит, она остро, до боли в груди захотела, чтобы у нее была защита. Чтобы появился кто-то, способный встать между ней и этим проснувшимся, опасным миром.

***

В этот день таверна гудела, как растревоженный улей. Обычный тихий люд растворился, уступив место тем, кто делал этот мир опасным. По тракту шли военные. Наемники, солдаты удачи, чьи плащи пахли дорожной пылью, а от сапог исходил тяжелый запах кожи и железа.

С их появлением атмосфера в зале неуловимо изменилась. Воздух стал тяжелым. Эти люди, привыкшие брать силой то, что им приглянулось, не опускали глаз перед загадочностью Элины. Их взгляды скользили по ее изумрудному платью, задерживались на белом кружеве сорочки, на тяжелых волнах темных волос. В этих взглядах не было трепета простолюдинов — в них читалась холодная, хищная оценка. Они видели красивую, одинокую женщину на краю леса. Без охраны. Без покровителя.

Элина физически ощущала, как истончается ее безопасность. Сердце билось где-то в горле, ладони стали ледяными.

И тут дверь распахнулась снова.

Он вошел тихо, но так, что несколько военных у входа инстинктивно подались в стороны, освобождая дорогу. Высокий, затянутый в черную матовую кожу, перехваченную ремнями с тускло поблескивающими металлическими пластинами. На его бедре тяжело покоился длинный меч.

Не глядя ни на кого в зале, он уверенным, неслышным шагом пересек комнату и сел за самый ближний к стойке стол — туда, где находилась территория Элины.

Она как раз протирала деревянную поверхность, когда почувствовала это. Тяжелый, почти осязаемый удар чужого внимания.

Она вскинула свои большие серо-зеленые глаза и встретилась с его взглядом. Он смотрел на нее в упор. Не отрываясь.

В ту же секунду психика Элины, не выдержав напряжения этого дня, совершила привычный спасительный кульбит. Страх вдруг отступил куда-то на задний план, звуки таверны приглушились. Между ней и мужчиной в черном словно опустилось толстое, невидимое стекло. Она снова стала «зрителем из партера», наблюдающим за происходящим со стороны, из безопасной темноты зрительного зала.

Ее руки продолжали автоматически и грациозно проти-

рать стойку, лицо сохраняло спокойное, аристократичное выражение, но внутри она замерла, изучая его из-за своего стеклянного щита.

Его взгляд не был похож на взгляды остальных наемников. В нем не было липкой пошлости, сальных ухмылок или мысленного раздевания. Это был совершенно другой интерес. Явно мужской, глубокий, собственнический и пугающе внимательный. Он смотрел на нее так, словно пытался прочитать закрытую книгу. Словно она была не просто трактирщицей, а самой важной загадкой, которую он намеревался разгадать.

Мужчина откинулся на спинку тяжелого дубового стула, скрестил руки на груди в черной коже и продолжал молча, пристально сверлить ее глазами, игнорируя шум вокруг.

***



Элина, всё еще находясь за своим спасительным внутренним стеклом, продолжала протирать стойку, но ее большие серо-зеленые глаза внимательно изучали зал.

Она заметила, как изменилось поведение остальных наемников. Они понизили голоса, перестали громко хохотать и, что самое главное, отвели от нее свои сальные, липкие взгляды. Те, кто сидел ближе к мужчине в черном, старались даже не звенеть кружками. Элина поняла: они не просто его уважали. Они его боялись.

Каэл. Она слышала это имя от проезжих торговцев. О нем говорили шепотом. Один из самых дорогих и безупречных наемников Севера. Человек, чье присутствие стоило целой армии.

И вот этот человек сидел в ее таверне и неотрывно смотрел на нее.

В ту секунду, когда Элина осознала, что ни один из этих грубых солдат теперь не посмеет к ней приблизиться, потому что она негласно стала «территорией» Каэла, оцепенение спало. Стекло с тихим звоном разлетелось вдребезги. Она снова почувствовала запахи трав, жар очага и тяжесть своего изумрудного платья.

Она вдруг почувствовала себя... живой. И в безопасности.

Впервые за весь этот долгий, странный год она решила заговорить с посетителем первой. Не ответить на заказ, а инициировать разговор.

Элина мягко отложила льняное полотенце. Взяла с полки чистый глиняный кувшин, бросила туда несколько веточек свежей мяты, дольку лимона и налила прохладной колодезной воды. Плавным, грациозным шагом, от которого тяжелая ткань платья заструилась по ногам, она подошла к его столу.

Каэл не шелохнулся, только его темные глаза неотрывно следили за каждым ее движением, за тем, как белое кружево сорочки слегка колышется от ее ровного дыхания.

Она поставила перед ним кувшин и стакан, но не спешила уходить. Вместо этого Элина оперлась кончиками тонких пальцев о край дубового стола, чуть склонила голову набок и посмотрела ему прямо в глаза. Мягко. Без тени страха.

— Вам принести крепкого эля, как всем остальным, или оставите эту воду? — ее голос прозвучал тихо, но в повисшей вокруг них тишине он был подобен перезвону колокольчиков. — От тяжести чужих взглядов и страха, который вы

принесли с собой на плечах, обычно очень сохнет горло. А эль не утоляет жажду... он только дурманит ум.

В глазах наемника мелькнуло искреннее удивление. Он явно ждал чего угодно: заискивания, испуганного лепета, попытки спрятаться на кухне. Но не этой спокойной, почти материнской заботы, смешанной с острым умом.

Каэл медленно перевел взгляд с ее лица на кувшин с плавающими листиками мяты, затем снова на нее.

— Воду, — его голос оказался неожиданно глубоким, с легкой, приятной хрипотцой. — Вы очень наблюдательны для хозяйки придорожной таверны. Не боитесь, что ваша проницательность может вам навредить? Этот мир не любит умных женщин.

Элина позволила легкой, неуловимой улыбке тронуть свои губы. В ней не было кокетства — только женская мудрость и какая-то светлая грусть.

— Этот мир вообще мало кого любит, — ответила она, глядя, как он медленно наливает воду в стакан. Его пальцы в черных кожаных перчатках без пальцев были длинными и сильными. — Но бояться мне сегодня нечего.

— Откуда такая уверенность? — Каэл чуть подался вперед, явно заинтригованный. Черная кожа его брони скрипнула. — За этими дверями — дикий лес, а в этом зале сидит десяток головорезов, которые с радостью сожгли бы это место ради забавы.

— Потому что сегодня порог моего дома перешагнул человек, которого они боятся больше, чем своих темных желаний, — Элина спокойно встретила его тяжелый взгляд, и в ее серо-зеленых глазах мелькнула теплая искра. — Вы ведь не позволите им устроить здесь разгром, пока пьете свою воду, Каэл?

Он замер, поднося стакан к губам.

***

Каэл медленно опустил стакан на стол, не сводя с нее тяжелого, потемневшего взгляда. Внутри этого сурового воина, для которого до сих пор существовали лишь звон стали, строгие контракты и холодный расчет, что-то гулко оборвалось.

Он никогда не разменивался на случайные связи, брезгливо презирая дешевые кабацкие развлечения и женщин на одну ночь. Война и постоянная грань выживания требовали абсолютной концентрации, ясного ума и одиночества. Он

был профессионалом до мозга костей, аскетом с мечом в руках.

Но сейчас, глядя на нее, он понимал: его железная выдержка рухнула. Эта странная, пахнущая мятой и книжной пылью женщина с глазами цвета северного мха только что, сама того не зная, надела на него невидимый ошейник. Она попросила защиты так просто и с таким потрясающим достоинством, что отказать было невозможно. Теперь любой, кто косо посмотрит в её сторону, будет иметь дело с его клинком.

Он молчал несколько долгих секунд, разглядывая её лицо, словно запоминая карту местности перед самым важным боем в своей жизни.

— Да, — наконец произнес он тихо, но так веско, что это прозвучало как нерушимая клятва. — Можете. Пока я здесь, даже воздух в этой таверне не посмеет вас потревожить.

Он сделал паузу, его взгляд скользнул по лестнице в углу зала.

— Спальня наверху?

Вопрос прозвучал прямолинейно, но Элина не отшатнулась. В её душе не шевельнулось ни страха, ни отвращения

при мысли о том, что может произойти между ними. Наоборот. В этом мире, полном грязных, безликих угроз, перспектива оказаться во власти этого конкретного, невероятно сильного мужчины казалась ей... правильной. Спасительной. Лучше быть его, чем ничьей на растерзание толпе.

— Да, — просто ответила она. — Идемте.

Они поднялись по скрипучей деревянной лестнице. Оставив внизу напряженную тишину зала, запах перегара и жареного мяса, они шагнули в её личный мир. Здесь, наверху, пахло лавандой, воском свечей и старой бумагой.

Каэл вошел в её спальню не как случайный гость, а как страж, проверяющий периметр. Его тяжелые сапоги глухо ступали по домотканым коврам. Он медленно обошел комнату, цепко скользя взглядом по корешкам книг, по мягкому креслу, по заправленной постели. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но Элина видела: он профессионально сканирует пространство.

Он подошел к окну с деревянными ставнями, выходящему на дорогу и кромку леса. Осторожно, стараясь не скрипнуть петлями, приоткрыл ставню и выглянул наружу. Его жесткий профиль на фоне сумеречного неба казался высеченным из камня. Он оценивал пути отхода, слепые зоны,

возможные места для засады. Он уже работал. Он уже охранял её.

Затем он закрыл окно, отрезая их от внешнего мира, и повернулся к ней.

Просторная комната вдруг показалась крошечной. Его присутствие заполнило всё пространство, вытесняя воздух. Каэл медленно подошел к Элине. Он остановился так близко, что она почувствовала сухой жар, исходящий от его тела сквозь черную кожу доспеха.

Он не коснулся её сразу. Сначала он просто вдохнул. Глубоко, жадно, прикрыв глаза. Он впитывал её запах — тонкий, дразнящий аромат чистоты, трав и чего-то неуловимо женственного, что кружило голову сильнее любого дурмана. Для него, пропахшего кровью и пылью, этот запах был как глоток родниковой воды в выжженной пустыне.

Затем он поднял руку. Медленно, давая ей возможность отстраниться, если она испугается. Но она не дрогнула, лишь чуть вздернула подбородок навстречу. Его пальцы — грубые, мозолистые, привыкшие сжимать только рукоять смертоносного оружия — коснулись её шеи. Невероятно, немыслимо осторожно. Контраст был ошеломляющим: его жесткая, обветренная кожа и её бархатная, теплая нежность. Он про-

вел большим пальцем вверх, к линии челюсти, едва касаясь, словно она была сделана из тончайшего стекла.

Это было не просто прикосновение. Это было исследование. Присвоение.

Он очертил её скулу, замирая и ощущая, как под тонкой кожей учащенно бьется жилка.

— Ты слишком мягкая для этого мира, Элина, — прошептал он, и его глубокий голос вибрировал от сдерживаемой силы. — Здесь таких ломают. Или прячут.

Он смотрел на нее не как мужчина смотрит на желанную женщину, а как дракон смотрит на свое, только что обретенное сокровище, за которое он готов сжечь весь мир.

***

Следующие несколько дней текли странно, словно густая, тяжелая смола. В таверне воцарилось пугающее спокойствие.

Каэл был здесь, но одновременно оставался неуловимым. Он превратился в призрачного стража этого дома. Он постоянно к чему-то готовился: точил клинки, укреплял тяжелые деревянные ставни, проверял засовы, методично обходил пе-

риметр. Говорили они мало — обменивались лишь короткими фразами, брошенными вполголоса.

С Элиной он не спал. Более того, она даже не знала, где именно в доме он проводит те редкие часы, когда позволяет себе сомкнуть глаза. Он дал ей защиту, но не посягал на её личное пространство.

Напряжение ожидания чего-то страшного сделало свое дело: психика Элины, не выдержав этого немого давления, снова дала сбой. Стеклянная стена опустилась. Она снова начала двигаться, как во сне, выполняя механическую работу. Она наливала воду, протирала столы, смотрела в окно, но ее взгляд стал пустым, отсутствующим. Она выпала из реальности.

И Каэл, конечно же, это почувствовал. Он видел, как её глаза затянулись поволокой отчуждения, как она спряталась внутри себя. Он не лез к ней с расспросами, не пытался встряхнуть.

А потом время сломалось.

Когда Элина, наконец, вынырнула из своего спасительного оцепенения, словно сделав резкий вдох после долгого погружения под воду, она с ужасом осознала, что мир вокруг

замер.

Утро не наступало. День не приходил. Ночь отказывалась опускаться на землю. Снаружи стоял бесконечный, ржаво-багровый вечер. Небо застыло в оттенках пепла и запекшейся крови, тени на полу таверны не двигались с места вот уже, кажется, целые сутки. Ветер стих, птицы замолчали. Мир словно задержал дыхание.

Элина медленно опустила руки на стойку, моргнула, прогоняя остатки транса, и повернула голову.

Она посмотрела на Каэла так, будто только что увидела его впервые за эти странные, слившиеся воедино дни. Он сидел за своим привычным столом. На столе перед ним лежал обнаженный длинный меч, лезвие которого тускло отсвечивало багровым светом из окна.

Почувствовав её осознанный взгляд, Каэл поднял голову. Он не удивился её «возвращению». Он задумчиво и очень внимательно осмотрел её лицо, отмечая, что туман в серо-зеленых глазах рассеялся.

В повисшей, мертвой тишине застывшего вечера его глубокий голос прозвучал как раскат далекого грома.

— В этом мире... — он сделал едва заметное ударение на первых двух словах, глядя ей прямо в глаза, давая понять, что её главная тайна для него — давно не тайна, — ...природа всегда замирает перед тем, как захлебнуться.

Он плавно провел куском мягкой кожи по идеальному лезвию меча.

— Так начинаются самые кровавые бойни, Элина. Небо останавливается, чтобы посмотреть. И когда этот бесконечный вечер закончится, в живых останутся только самые сильные... — он на мгновение замолчал, его темные глаза вспыхнули холодным, смертоносным огнем, — ...или самые осторожные.

Каэл отложил кусок кожи и чуть подался вперед, положив тяжелые руки на стол.

***

— Откуда ты, Элина? — вдруг спросил он.

Его голос звучал ровно, но в нем лязгнула холодная сталь. Это был допрос. Осторожный, но безжалостный. Каэл методично взламывал скорлупу ее иллюзии, заставляя подсознание проснуться.

Она растерянно моргнула, отводя взгляд от застывшего багрового неба за окном.

— Откуда ты берешь еду? — продолжил он, не давая ей опомниться, делая шаг к стойке. — Как возник этот странный дом на краю проклятого леса?

— Я... я покупаю припасы у торговцев... — начала она неуверенно, но слова рассыпались, не находя подтверждения в памяти.

— Правда? — Каэл склонил голову набок, его темные глаза впились в ее лицо. — Я здесь уже неделю. Я сплю урывками, я слышу шорох опадающих листьев за милю отсюда. И за эту неделю я ни разу не видел тебя у плиты. Ты не разводишь огонь в печи, не месишь тесто, не таскаешь воду. Ты просто подаешь еду. И она всегда есть. Горячее мясо, свежий эль, чистая вода, горящие свечи и книги, на которых никогда не оседает пыль... Как ты готовишь, Элина?

Она опустила глаза на свои чистые, белые руки. На них не было ни ожогов, ни мозолей от тяжелой работы.

— Я не знаю... — прошептала она.

До этой самой секунды она ни разу об этом не задумыва-

лась. Ее разум просто принимал правила игры, дорисовывая недостающие детали, как это бывает в очень глубоком сне.

Каэл оперся обеими руками о дубовую стойку, нависая над ней, заполняя собой ее сужающийся мир.

— Такие дома, как твой, — заговорил он тише, и в его голосе прозвучала мрачная, древняя мудрость, — возникают из сновидений иных миров. Заблудшие души или те, кто прячется от собственной реальности, создают такие «безопасные гавани». Для тебя, Элина, я просто сон. Фантом. Причем длиной не более одной ночи в твоей настоящей реальности.

Она выслушала это, не шелохнувшись. Внутри нее не вспыхнуло ни паники от осознания безумия происходящего, ни радости от того, что этот жестокий мир — не по-настоящему. Лишь звенящая, стеклянная пустота и странное, абсолютное спокойствие.

— Элина ведь не твое имя, верно? — Каэл нанес последний удар, глядя, как расширяются ее зрачки. — Это имящит. Имя-маска. Штука в том, что как только ты вспомнишь здесь свое настоящее имя... наступит момент выбора реальности. Тебе придется решить, проснуться или остаться здесь навсегда.

— А что... — ее голос дрогнул, едва слышный в неестественной тишине застывшего вечера. — Что будет в том, настоящем мире, если я проснусь?

Каэл смотрел на нее долго и очень серьезно. В его глазах отражался багровый свет немеркнущего заката.

— Никто точно не знает, — ответил он с тяжелой честностью. — Может быть, ты откроешь глаза в теплой постели. А может, ты сейчас лежишь на краю гибели, и этот сон — последние секунды угасающего сознания.

Наступила пауза.

Она была настолько плотной, что казалась осязаемой. В этой паузе рушились миры. Элина медленно подняла на него глаза. В них больше не было тумана. В них было чистое, обнаженное принятие ситуации. Она поняла правила. И она поняла цену.

Каэл смотрел на нее, и сердце безжалостного наемника, не знавшего страха перед смертью, впервые в жизни сжалось от ледяного ужаса.

Он, человек, привыкший брать свое силой и удерживать

нерушимой сталью, вдруг осознал свою полную, жалкую беспомощность. Для него Элина не была сном. Она была самым реальным, самым шикарным и драгоценным сокровищем, которое он когда-либо встречал. Он наконец-то обрел то, ради чего стоило жить в этом проклятом мире.Но сейчас, стоя перед ней, он физически ощущал, что держит это сокровище в своих грубых, покрытых шрамами ладонях. Держит крепко, бережно, отчаянно... понимая, что в любой момент, стоит ей лишь прошептать свое настоящее имя, она рассыплется золотой пылью. И эта сияющая пыль просто утечет сквозь его сильные пальцы, оставив его одного в пустой таверне под вечно багровым небом.

Он медленно протянул руку в черной перчатке и накрыл ее тонкую, холодную ладонь, лежащую на стойке. Сжал так крепко, словно пытался удержать саму ткань мироздания.

Но Элина не испытывала ни трепета, ни мучительных терзаний по поводу его чувств. Ее разум, застрявший на грани двух миров, работал с пугающей прагматичностью. Каэл был нужен ей. Он был не просто мужчиной — он был живым щитом, абсолютной необходимостью для ее выживания в этом кошмаре. И если у этой защиты была цена, она была готова ее заплатить.

Каэл не стал ждать ее ответов или оправданий. Он шагнул к ней и обхватил так, как полководец берет в руки отвоеван-

ную, залитую кровью врагов корону — с неистовой жаждой и полным, безоговорочным правом победителя.

Элина не шелохнулась. Она позволила ему взять то, что он считал своим.

Он начал раздевать ее прямо там, внизу, в свете застывшего багрового заката. Резким движением стянул с рук свои тяжелые боевые перчатки, отбрасывая их на пол. Без этой преграды его мозолистые, горячие ладони казались обжигающими. Он жадно исследовал ее лицо, скользнул по линии плеч, сминая ткань. Шнуровка платья поддалась под его пальцами, и он рывком обнажил ее грудь — высокую, пышную, алебастрово-белую в полумраке таверны.

Его руки сжали ее. Сильнее, чем диктовала бы нежность. Жестко, властно, на грани легкой боли. Но Элина не отшатнулась. В ее пустом до этого момента сознании вспыхнула искра странного, темного интереса. Эта грубая, звериная собственническая хватка заставляла ее тело отзываться.

С глухим рыком он впился в ее губы. Это не было робким касанием — это было вторжение. Его язык сплелся с ее языком, жадный, глубокий поцелуй стирал все мысли о хрупкости бытия и застывшем времени. Он пил ее, как умирающий от жажды, забыв обо всем на свете.

Оторвавшись от ее губ лишь для того, чтобы вдохнуть, Каэл подхватил ее на руки. Она казалась невесомой в его хватке. В несколько широких шагов он преодолел лестницу, унося ее в спальню.

Там, не дойдя до кровати, он впечатал ее спиной в прохладную деревянную стену. Тяжелый изумрудный подол платья был задернут вверх, обнажая ее бедра. Дыхание Каэла обжигало ее шею. Одна его рука продолжала бескомпромиссно, до синяков, сжимать ее грудь, подчиняя и заявляя свои права. А вторая скользнула вниз, между ее ног. Там его прикосновения вдруг стали невыносимо нежными, контрастирующими с общей грубостью, умелыми и дразнящими, заставляя Элину судорожно выдохнуть и выгнуться навстречу. Ее тело уже предало ее разум, отвечая влагой и готовностью.

И тогда он вошел в нее. Сильно, глубоко, до самого основания, заполняя ее собой с хриплым, рваным стоном.

Стена больно впилась в лопатки Элины от его толчков, но ей не было неприятно. Она обхватила его широкие плечи руками, глядя в потолок невидящим взглядом, пока он сгорал в своей страсти.

Ее мысли были кристально ясными и пугающе спокойными. Это было в новинку. Не сам секс, не мужское тело и не жар желания. Новым было это первобытное, обнаженное чувство сделки. Она чувствовала его пот, его неудержимую силу, ритм его движений, и отчетливо понимала: прямо сейчас, прижатая к стене в таверне на краю мироздания, она платит. Платит своим телом за жизнь, за безопасность, за то, чтобы этот страшный человек с мечом стоял между ней и темной бездной за окном.

И эта цена казалась ей абсолютно справедливой.

***

Их дыхание еще не успело выровняться, а влажный жар между ними не остыл, когда застывшее время раскололось на части.

Глухой, утробный удар сотряс не сами стены, а словно саму землю под фундаментом. За ним последовал скрежет, от которого заныли зубы, — звук когтей по защитным рунам, которые Каэл вырезал на ставнях.

Секс закончился так же резко, как и начался. В долю секунды глаза Каэла утратили мутную пелену животной страсти. Мужчина, только что бравший ее с первобытной жадностью, исчез. На его месте снова оказался холодный, расчетливый убийца. Он отстранился, даже не взглянув на ее об-

наженное тело, на ходу подхватил сброшенную броню и оружие.

— Не смей подходить к окнам, — бросил он сухо, застегивая ремни. Это была не просьба, а армейский приказ.

Лязгнул тяжелый засов входной двери. Каэл шагнул за порог, навстречу тому, что пришло за ними, и дверь глухо захлопнулась, отрезая Элину от боя.

Она осталась в спальне, прислонившись разгоряченной спиной к прохладному дереву. Сердце билось ровно. Страха по-прежнему не было. Повинуясь странному импульсу, она подошла к окну, но не стала открывать ставни, лишь посмотрела в узкую щель.

Перманентный, ржаво-багровый вечер исчез. За окном не было ни леса, ни дороги. Там стояла абсолютная, плотная, непроницаемая мгла. Чернота, густая, как деготь, поглотила всё. Элина ничего не видела. До нее доносились лишь приглушенные звуки: яростный лязг стали, тяжелое рычание, свист рассекаемого воздуха и хлюпающие удары.

Дом, который Каэл укреплял все эти дни, стоял монолитом. Ни одна доска не скрипнула, ни одно стекло не дрогнуло, хотя снаружи бушевала настоящая мясорубка.

Бой длился долго. Для Элины время снова потеряло смысл, пока, наконец, за дверью не воцарилась тяжелая тишина.

Засов лязгнул. Каэл вошел внутрь.

От него несло озоном, гнилой кровью и звериным потом. Он тяжело дышал, привалившись плечом к дверному косяку. На его левом предплечье зияла глубокая рваная рана, из которой на чистый пол капала темная кровь. Броня была иссечена глубокими бороздами.

Он прошел к стойке, оставляя за собой багровый след.

— Мы живы. Все кончено, — сказал он сухо и бесконечно устало.

Он оперся здоровой рукой о столешницу, ожидая. Элина тоже ждала. До этого момента дом всегда давал то, что было нужно: еду, чистую воду, свечи. Каэл ждал бинтов, горячей воды, целебной мази — чего угодно, что могло бы подтвердить иллюзию гостеприимства этого места.

Но на стойке было пусто. Дом Элины, щедрый на кушанья и эль, отказался выдавать медикаменты для реальных ран

этого мира. Иллюзия не лечила настоящую плоть.

Каэл мрачно усмехнулся, поняв правила игры. Не сказав ни слова, он достал из своего походного мешка иглу, суровую нить и флягу с едким спиртом. Он сам начал зашивать себя, морщась, но не издавая ни звука. Элина спустилась вниз, кутаясь в подол платья, и просто наблюдала за ним.

Когда последний узел был затянут, Каэл вытер окровавленные руки и впервые за долгое время посмотрел на нее. Усталость в его глазах отступила, уступив место острому, цепкому интересу.

Раньше он смотрел на нее с вожделением. Раньше он видел в ней хрупкую женщину, которую инстинкты требовали защищать и обладать. Но сейчас его взгляд изменился. Он изучал ее. Как изучают неизвестный, смертельно опасный или невероятно ценный артефакт.

— Твой дом... — его голос звучал хрипло, но в нем пробивалось искреннее, профессиональное удивление. Он обвел взглядом нетронутые стены. — Дома, сотканные из снов чужаков, — это труха. Они зыбкие, как ветер. Местные твари разносят их в щепки за пару минут, добираясь до теплого мяса внутри.

Он сделал шаг к ней, разглядывая ее лицо, словно искал на нем ответы на невидимые письмена.

— Но эти стены... Они даже не дрогнули. Я укрепил ставни и двери, да. Но то, что билось снаружи, должно было снести крышу и вырвать фундамент. А дом стоял так, словно врос корнями не в землю. Он стоит на самой изнанке перекрестка миров. Это не иллюзия, Элина. Это крепость.Каэл замолчал, осмысливая свою собственную догадку. И по мере того, как пазл складывался в его голове, его губы изогнулись в кривой, горькой и одновременно восхищенной усмешке.

Он понял.

Она отдалась ему не от страсти. Не от внезапно вспыхнувшего чувства. Ее прагматичный, застрявший между мирами разум просто совершил сделку.

— Ты ведь даже не понимаешь, да? — тихо спросил Каэл, подходя к ней вплотную. От него пахло кровью и железом. — Ты думаешь, что я спас тебя. Ты заплатила мне собой, потому что считала, что без моего меча тебя разорвут. Но правда в том, что в этой части мира нет крепости надежнее, чем та, что ты создала своим неведением.

Он поднял руку и, не касаясь, обрисовал контур ее щеки.

В его глазах больше не было собственнического огня, только холодный, аналитический восторг.

— Для тебя я не человек. Я даже не защитник. Я просто вещь. Инструмент. Якорь, за который твое сознание зацепилось, чтобы окончательно не сойти с ума в этой пустоте.

Он отступил на шаг, не сводя с нее изучающего взгляда. За черными окнами начала рассеиваться мгла, и Каэл смотрел на женщину, которая пугала и притягивала его теперь куда сильнее, чем когда-либо.

***

— Эти твари... Кто они? — ровным, почти равнодушным голосом спросила Элина, не сводя взгляда с багровых пятен на полу.

Каэл остановился, занося над раной пропитанную спиртом тряпицу. Его бровь изумленно поползла вверх. Он медленно опустил руку, игнорируя жгучую боль.

— Твари? — переспросил он, и в его голосе прозвучала хриплая, недоверчивая усмешка. — Ты начиталась сказок в своей библиотеке, Элина?

Он бросил окровавленную ткань на стол.

— Это были не порождения тьмы из детских страшилок. Это был передовой отряд Вектора.

Имя прозвучало так, словно Каэл выплюнул кусок битого стекла. Элина лишь непонимающе склонила голову набок.

— Вектор, — пояснил Каэл, раздраженно дернув плечом. — Местный царек. Локальная власть, выстроенная по самому древнему и эффективному принципу: «Я сильнее, значит, я тут главный, и все, что я вижу, принадлежит мне». А видят его псы очень хорошо. Особенно то, что не вписывается в их картину мира. Например, таверну, которая возникла из ниоткуда на стыке реальностей.

— И как они? — так же спокойно спросила Элина.

Она не смотрела на его рану, не ахала от вида крови. Ее не интересовали подробности боя или то, насколько близко Каэл был к смерти, защищая ее порог. Ее голос звучал отстраненно, словно она спрашивала о погоде за окном, а не о людях, пришедших их убить.

Каэл мрачно ухмыльнулся, обнажив зубы в зверином оскале.

— Они не в порядке, — коротко отрезал он.

Элина кивнула, принимая этот факт как должное. Задумчиво отвернулась, подошла к очагу, в котором, вопреки логике, никогда не угасал огонь, и через мгновение вернулась к столу.

Она поставила перед Каэлом глубокую глиняную миску с обжигающе горячим, густым супом, от которого исходил аромат пряных трав и мяса, и кубок с темным, почти черным вином.

Каэл замер.

Он смотрел на нее, на еду, появившуюся из ниоткуда, на этот невозможный дом, устоявший под натиском Вектора. Он наблюдал за всем этим с жадным, почти болезненным любопытством. Как гик в лавке с гаджетами...

Мысль оборвалась.

Гаджеты? Что это?

Каэл нахмурился, чувствуя, как по затылку пробежал неприятный холодок. Слово было чужим. Инородным. Оно не принадлежало его миру, где правили сталь, магия крови и грубая сила. Оно всплыло из глубин чужого сознания.

Он посмотрел на Элину. Она стояла рядом, спокойная, отрешенная, погруженная в свои мысли. И Каэл с пугающей ясностью осознал: это не он подчинял ее себе. Это она, сама того не ведая, медленно, ненасильственно проникала в его разум. Ее реальность, ее язык, ее образы просачивались в него, словно вода сквозь песок, приоткрывая лицо мира, из которого она пришла.

Он не был ее хозяином. Он был пленником в ее лабиринте.

Каэл взял ложку. Есть ему совершенно не хотелось — тело, накачанное адреналином и болью, требовало покоя, а не пищи. Но он понимал: в этом доме нет случайностей. Здесь все имеет свой скрытый смысл, каждая деталь — это нить в сложной, запутанной паутине подсознания Элины.

Он зачерпнул суп и сделал глоток.

Вкус был насыщенным, почти обжигающим. И в ту же секунду густое, тяжелое тепло начало разливаться по его венам, вытесняя холодный озноб начинающейся лихорадки. Боль в руке притупилась, мышцы расслабились. Еда лечила его эффективнее любых снадобий, которые он мог бы найти в своем мире.

Дом не дал ему бинтов. Но дом, повинуясь воле своей хозяйки, дал ему исцеление изнутри.

Каэл опустил ложку. В его глазах, когда он посмотрел на Элину, смешались восхищение, настороженность и темная, болезненная ревность. Ревность к ее силе, к ее непонятному миру, к ее леденящему прагматизму.

— Ты чинишь свою «вещь», пока она тебе нужна? — тихо, с горькой усмешкой спросил он, глядя, как она спокойно переставляет свечи на столе.

Сон был вязким, серым и пугающе детализированным. Каэл, привыкший к лесам, замкам и пустошам, чувствовал себя муравьем в каменном лабиринте.

Он видел Город. Не крепость, обнесенную стеной, а бесконечное нагромождение камня и стекла. Река, закованная в гранитных берегах, текла тяжело, словно жидкий свинец, задыхаясь от нечистот и тесноты. Дома напоминали игрушки безумного великана: одни — гигантские иглы, пронзающие низкое небо, сверкающие тысячами огней; другие — приземистые, уродливые серые коробки в пять этажей, стоящие рядами, как надгробия.

Элина шла рядом. Здесь она казалась другой — более лег-

кой, но и более несчастной. Она куталась в странную одежду, слишком тонкую для зимы, а шею ей обвивала полоса мягкой вязаной ткани.

«Шарф», — всплыло в голове чужое, мягкое слово.

Каэл резко открыл глаза.

Сон рассеялся, оставив после себя привкус пепла и тоски. В таверне было тихо, лишь потрескивали поленья в очаге. Элина сидела на том же месте, глядя в огонь. Ее профиль казался высеченным из мрамора — ни движения, ни дыхания, ни жизни.

Каэл лежал неподвижно, наблюдая за ней из-под полуопущенных век. И тут его пронзила догадка, острая, как стилет.

За все время, что он здесь, Элина ни разу не сделала глоток воды. Она не съела ни крошки того великолепного мяса, что подавала ему. Она наполняла его кубок, но ее собственный всегда оставался пустым или вовсе отсутствовал.

Еда здесь была реальной — она насыщала, лечила, давала силы. Но эта еда была частью ее мира, проекцией ее разума. Может ли творец питаться собственным творением? Или для нее этот хлеб — лишь пустота, иллюзия, вкус которой

ей недоступен?

Каэл медленно поднялся. Решение проверить теорию пришло мгновенно.

— Элина, — позвал он хрипло спросонья. — Можно мне хлеба?

Она вздрогнула, выходя из транса, и тут же кивнула. Привычным, отработанным движением она достала из-за прилавка круглый, теплый хлеб. От него шел одурманивающий запах дрожжей и домашнего уюта.

Каэл подошел к ней. Он не стал садиться за стол. Вместо этого он встал вплотную к ней, чувствуя, как она напряглась, но не отстранилась. Он отломил горбушку — хлеб хрустнул, обнажая дымящийся мякиш.

— Ты так заботишься о моем голоде, — тихо произнес он, обнимая ее одной рукой за талию и притягивая к себе. Его ладонь скользнула по ее спине, ощущая тепло тела через ткань платья, но это тепло казалось каким-то... отраженным. Как тепло камня, нагретого солнцем.

Элина подняла на него глаза. В них было спокойствие и легкое непонимание.

— Я должна, — просто ответила она. — Ты — гость. И ты... устал после боя.

— А ты? — Каэл чуть склонил голову, его губы почти касались ее виска. — Ты создаешь этот уют, ты печешь этот хлеб силой своей мысли, Элина. Но ты никогда не пробуешь то, что даешь другим.

Он перехватил кусочек мягкого хлеба пальцами.

— В моем мире говорят: нельзя доверять повару, который не ест свою стряпню. Или тому, для кого эта еда — не больше чем декорация.

Он мягко, но настойчиво прижал кусочек хлеба к ее губам.

— Открой рот, — прошептал он, и это прозвучало не как просьба, а как ласковый приказ. — Попробуй. Я хочу знать, существует ли этот хлеб для тебя.

Элина замерла. Хлеб коснулся ее губ, и в ее глазах на мгновение мелькнул настоящий, нечеловеческий испуг. Не перед Каэлом, а перед тем маленьким кусочком теста, который он держал у ее рта. Она вдруг поняла, что не знает от-

вета.

Она не помнила, каково это — чувствовать вкус. Каково ощущать текстуру еды на языке, каково глотать, каково утолять банальный физический голод. В этом месте, сотканном из ее подсознания, она была функцией, хозяйкой, источником... но не живым человеком из плоти и крови.

Каэл мягко, но непреклонно надавил пальцем на ее нижнюю губу. Элина, словно под гипнозом, послушно приоткрыла рот, и он бережно вложил ей на язык теплый, пахнущий домом мякиш.

Она медленно сомкнула челюсти. Сделала одно жевательное движение. Второе.

И замерла.

Для Каэла этот хлеб был жизнью, плотным и сытным. Для Элины... он стал прахом.

В ту же секунду, как хлеб коснулся ее нёба, иллюзия, так долго оберегавшая ее рассудок, дала сбой. Во рту не было ни вкуса печеного теста, ни сладости, ни тепла. Там была лишь сухая, безвкусная пустота. Словно она жевала старую, серую бумагу. Или глотала густой пепел.

Элина судорожно выдохнула, ее глаза расширились от накатившего хтонического ужаса. Она инстинктивно прижала ладонь ко рту, отворачиваясь, и выплюнула этот серый, бесформенный комок.

Каэл не отстранился. Напротив, он прижал ее к себе еще крепче, обхватив обеими руками, словно боясь, что от этого нарушения правил ее собственного мира она прямо сейчас начнет растворяться в воздухе.

— Так я и думал, — хрипло прошептал он, глядя на нее сверху вниз. В его голосе не было торжества, только мрачное удовлетворение исследователя, подтвердившего страшную теорию. — Для тебя здесь ничего нет. Ни еды, ни воды, ни тепла. Ты кормишь меня своими воспоминаниями об уюте. Но сама ты здесь не живешь, Элина. Ты здесь просто... транслируешь свое присутствие.

Элина смотрела на стол. Там, куда упал изо рта кусок, лежал не хлеб. Там лежал клочок серой, рассыпающейся субстанции, похожей на строительную пыль.

— Я... — прошептала она, и в ее всегда ровном, отстраненном голосе впервые прорезалась настоящая, живая паника. Рациональная стена, защищавшая ее от безумия, да-

ла глубокую трещину. — Если я ничего не ем... как я существую? Как я еще не умерла?

Каэл осторожно взял ее за подбородок и повернул к себе лицом. Его жесткие, мозолистые пальцы легли на ее бледные щеки.

— Потому что твое настоящее тело сейчас где-то в другом месте, — безжалостно, но на удивление мягко произнес он. — Там, в Городе с высокими стеклянными башнями и мутной, закованной в камень рекой. Там, где носят шарфы, укрываясь от холода.

Элина вздрогнула, услышав обрывки своей заблокированной реальности из уст чужака.

— А здесь, — продолжил Каэл, стирая большим пальцем серую крошку с ее губы, — здесь живет только твой разум. Этот дом стоит, а ты дышишь лишь потому, что твое подсознание отчаянно отказывается просыпаться. Ты создала эту таверну, чтобы спрятаться. Создала правила, по которым еда появляется из ниоткуда. Создала меня... вернее, втянула меня сюда, чтобы я стал твоим цепным псом у двери.

Он наклонился ближе, его глаза гипнотизировали ее.

— Но система дает сбой, Элина. Ты начинаешь просыпаться. Иначе с чего бы вдруг я начал видеть твои сны? И с чего бы твоему миру начать пропускать ко мне чужие слова... вроде «гаджетов»?

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Впервые с момента их встречи якорем в этой реальности был не ее прочный дом, а сильные, обнимающие ее руки Каэла.

Но одно в этом странном, сотканном из подсознания месте оставалось абсолютно, непреложно настоящим. Тело. Осязаемость плоти.

Каэл понял это сразу после пробуждения, когда скользнул взглядом по своему левому предплечью. Там, где еще несколько часов назад зияла свежая, наскоро зашитая им самим рана, теперь белел плотный, давно затянувшийся шрам. Словно бою с тварями Вектора было уже несколько лет. Дом Элины не давал лекарств, он просто перекраивал время для ее защитника.

Но раз тело было настоящим, настоящим был и голод. Не тот, что утоляют хлебом.

Каэл медленно провел жесткой ладонью по волосам Элины. Она сидела неподвижно, все еще переваривая его слова

о Городе и иллюзиях, когда он вдруг шагнул вперед. Одним резким, не терпящим возражений движением он смахнул со столешницы всё — миску, кубок, свечи со стуком полетели на пол.

Он подхватил Элину под бедра и усадил на освободившийся крепкий дубовый стол. В этот раз в его движениях не было ни капли осторожности. Он не стал церемониться со сложной шнуровкой на ее груди — рванул так, что плотная изумрудная ткань жалобно треснула, обнажая бледную, горячую кожу.

Он не стал целовать ее в губы. Его рот жадно и властно прижался к ее шее, обжигая дыханием пульсирующую венку. В его голове, вытесняя холодный анализ и логику, билась только одна первобытная, собственническая мысль: «сейчас она моя. Я не отдам ее. Разберусь со всем этим безумием, с Городом, с Вектором, но — не отдам».

Элина тихо ахнула, когда его губы и руки стали смелее, сжимая ее с силой, балансирующей на грани боли. И в этот раз она не осталась безучастной. Ее пальцы дрогнули, а затем уверенно легли на его плечи. Она провела ладонями по его широкой, напряженной спине, чувствуя под пальцами бугры мышц и старые шрамы.

От этого простого, отчаянно-живого ответа Каэл потерял остатки контроля. Он забыл, что он хладнокровный наемник. Забыл о своей репутации элитного воина-одиночки. Сейчас он был просто мужчиной, одержимым женщиной, которая разрушала его мир и создавала свой.

Он стянул с нее остатки разорванного платья, заставляя откинуться назад на прохладное дерево стола. Его поцелуи спускались все ниже, оставляя влажные, горящие следы на ее коже, доводя ее до дрожи.

Когда волна острого, незнакомого ей в этой реальности наслаждения накрыла ее с головой, Элина глухо застонала. Она инстинктивно вскинула руки и с силой вцепилась пальцами в его темные волосы, удерживая, направляя, требуя. Каэл на долю секунды вздрогнул от этой внезапной, властной вспышки — никто и никогда не смел так с ним обращаться, — но тут же с рычанием отдался моменту, подчиняясь этому первобытному ритму.

Сквозь привычные запахи таверны — сухую мяту, дым очага и пряные травы — пробивался ее собственный, одурманивающий, сладковатый аромат. Он сводил его с ума, заставляя действовать всё более страстно и откровенно.

А для Элины серая пустота окончательно рассыпалась.

Она чувствовала каждое его движение, каждый обжигающий поцелуй. Ее сознание, висевшее где-то между мирами, с грохотом рухнуло в здесь и сейчас. Боль, жар, чужое дыхание на коже и пронзительное, яркое наслаждение — всё это якорями впивалось в ее разум, заставляя ее, наконец, полностью и безоговорочно погрузиться в плотскую реальность этого мира.

***

Тяжело дыша, Элина медленно открыла глаза. Пелена страсти, только что затапливавшая ее с головой, начала рассеиваться, оставляя после себя пугающую, кристальную ясность.

Она обвела взглядом таверну. Посмотрела на разбросанные по полу свечи, на вечно горящий очаг, чье пламя сейчас казалось лишь искусственной декорацией, на широкие, покрытые испариной плечи Каэла. Затем она подняла свои руки. Тонкие, бледные пальцы дрожали, но не от пережитого удовольствия.

Элина слабо улыбнулась. А затем тишину таверны разорвал ее смех — тихий, низкий и совершенно недобрый. В нем звучало мрачное торжество творца, осознавшего, что клетка, в которой он сидел, была заперта изнутри.

Она посмотрела на Каэла. В эту минуту, с растрепанными

волосами, с блестящими от пота старыми шрамами, с грудью, тяжело вздымающейся от сбитого дыхания, он казался ей немыслимо, невероятно красивым. Самым красивым мужчиной на свете, идеальным созданием чужого, жестокого мира.

Но на кончиках ее пальцев уже зарождалось покалывание. Воздух вокруг ее ладоней начал едва заметно искажаться, словно горячий пар. Потоки чистой, сырой силы струились сквозь нее. Иллюзия таверны трещала по швам, потому что хозяйка начала просыпаться.

Каэл уловил эту перемену мгновенно. Взгляд хищника, только что сжимавшего свою добычу, дрогнул. Страсть в его темных глазах сменилась отчаянной, умоляющей тоской.

Он подался вперед и обнял ее. Не властно, как мгновение назад, а бережно и нежно, укрывая ее обнаженное тело в кольце своих сильных рук. Это было объятие человека, стоящего на краю пропасти. Объятие перед прощанием.

— Я помню Город... — едва слышно прошептала Элина, уткнувшись лицом в сгиб его шеи. Запах его пота и кожи врезался в память, становясь якорем. — И мое настоящее имя... оно почти пришло. Я могу вспомнить его прямо сейчас.

— Я вижу, — хрипло отозвался Каэл.

Его мозолистая ладонь медленно, с болезненной нежностью гладила ее разметавшиеся волосы. Он зарывался в них пальцами, словно пытался удержать песок, утекающий сквозь кулак. Ему хотелось остановить время. Хотелось держать ее обнаженное, горячее тело в своих объятиях вечность, спрятать ее от того мира, который забирал ее у него.

— Элина, — его голос дрогнул, выдавая то, что элитный наемник никогда бы не позволил себе показать другому живому существу. — Твой Город — душный. В нем нет жизни. Там лишь серый камень и мертвая вода... Останься со мной.

Элина вскинула бровь, чуть отстранившись, чтобы посмотреть в его лицо.

Каэл перехватил ее взгляд, его глаза лихорадочно блестели в полутьме.

— Скажу честно, — быстро продолжил он, словно боясь, что она исчезнет прежде, чем он договорит. — Моя гипотеза о том, что ты на краю гибели в своей реальности, скорее всего, ложная. Ты просто спишь. Очень глубоким, тревожным сном. Ты невероятно сильная здесь, в этой своей таверне, ты

можешь менять саму ткань пространства. Но если ты останешься... мы уйдем отсюда. Мы будем жить в другом месте. В настоящем.

Он обхватил ее лицо ладонями, заставляя смотреть только на него.

— Ты будешь чувствовать вкус хлеба, который испекут специально для тебя. Ты будешь пить настоящее вино. Я давно наемник, Элина. И я один из лучших. Я не лишен золота и земель. Я хочу провести эту жизнь с тобой. В моем мире ты не будешь нуждаться ни в чем. Никто не посмеет даже посмотреть в твою сторону.

Элина замолчала. Сердце тяжело билось о ребра Каэла.

Она прикрыла глаза, и перед ее внутренним взором мгновенно выросли исполинские башни из камня и стекла. Она услышала гул машин, почувствовала запах асфальта после дождя, увидела неоновые блики на мутной поверхности закованной в гранит реки.

Для Каэла, дитя лесов и открытых пространств, этот Город был уродливой клеткой, где нечем дышать.

Но Элина не чувствовала удушья. Вспоминая бесконеч-

ные улицы, холодное стекло небоскребов и суету многомиллионной толпы, она не чувствовала страха. Это был ее мир. Не идеальный, не сказочный, лишенный магии и героев с мечами.

Но он был родным. И он звал ее назад. Элина опустила взгляд на свое тело. Жаркая нагота, еще минуту назад казавшаяся такой естественной, исчезла. Магия места рассеивалась, подчиняясь пробуждающемуся сознанию. На ней больше не было ни остатков изумрудного платья, ни обнаженной кожи — ткань реальности перекраивалась на ходу. Теперь ее укрывала тонкая белая блузка из замысловатого кружева, гладкая шелковая юбка, струящаяся до самых щиколоток, а на ногах появились элегантные туфли-лодочки на тонком каблуке — атрибуты чужого, абсолютно неуместного здесь мира.

Каэл стоял рядом — все еще обнаженный, первобытно-красивый в свете угасающего очага, и лихорадочно задумчивый. В его глазах больше не было уговоров. Элитный наемник обладал звериным чутьем и уже всё понял: он не удержит ее тут. Это была битва, которую невозможно выиграть мечом.

Он протянул руку и кончиками пальцев нежно, почти благоговейно потрогал незнакомую ткань ее блузки, изучая

чуждую текстуру.

— Твой наряд... красивый, Элин, — тихо произнес он, глядя ей в глаза. — Тебе идет.

Элина улыбнулась — нежно, но бесконечно устало.

— Каэл, я не твоя принцесса... Я... Оксана.

Словно отзываясь на это имя — истинное имя творца иллюзии, — пространство содрогнулось. Стены таверны поплыли, начали складываться и преломляться, меняя углы, вращаясь вокруг них, как в безумном зеркальном лабиринте. Воздух зазвенел.

Каэл не дрогнул, игнорируя рушащийся вокруг мир. Он смотрел только на нее.

— Оксана... Откуда ты?

— Я из Москвы, — ее голос эхом отразился от истончающихся стен. — Это древний город, Каэл. И он прекрасен. Ты просто не видел его всего...

Каэл принял ситуацию так, как и подобает истинному воину — хладнокровно и молниеносно, уже выстраивая стра-

тегию в своих мыслях. Никакой паники, только сухая, абсолютная концентрация.

— Оксана из Москвы... — чеканя каждый слог, произнес он, словно высекал эти слова на изнанке своей памяти. — Хорошо, Оксана. Я найду тебя.

Оксана улыбнулась чуть снисходительно, как смотрят на человека, не понимающего законов физики.

— Каэл, зачем мешать сны и явь? — мягко проговорила она, пока ее силуэт становился всё более прозрачным. — Ты не будешь Ведьмаком из фильма в моем мире. Ты там — чужой.

Каэл выпрямился. Даже будучи обнаженным, посреди распадающейся иллюзии, он выглядел угрожающе и величественно. Он посмотрел на нее властно, строго и абсолютно непреклонно:

— А это не тебе решать.

В этот миг таверна окончательно свернулась внутрь себя, испарилась, рассыпалась на мириады невидимых осколков и сложилась. Оксана исчезла.

А Каэл остался. Над его суровым миром, наконец сменив бесконечный багрово-серый вечер, начинался бледный, холодный рассвет.

Рассвет ударил по глазам, ослепляя и обжигая реальностью. Это был не тот мягкий, приглушенный свет очага, к которому он привык за эти дни или недели. Это было настоящее, холодное и безжалостное солнце его собственного мира.

Каэл остался стоять посреди пустоши. Там, где секунду назад был дубовый пол, теперь хрустела пожухлая трава, покрытая инеем. Там, где были стены, гулял пронизывающий ветер, мгновенно остужая его разгоряченную кожу. Не было ни стола, ни мягкой постели, ни запаха свежего хлеба. Остался лишь запах сырой земли, прелой листвы и далекий, едва уловимый аромат ее духов — чуждый этому дикому месту, сладковатый и искусственный.

Он медленно сжал кулак, в котором только что держал шелк ее юбки. Пальцы схватили лишь пустоту.

— Москва... — хрипло произнес он, пробуя это слово на вкус. Оно звучало жестко, как скрежет стали о камень. — Оксана.

Каэл не закричал от отчаяния, не упал на колени. Он был воином, и паника была для него непозволительной роскошью. Вместо этого он глубоко вдохнул ледяной воздух, наполняя легкие реальностью. Его тело помнило каждое её прикосновение, каждый изгиб, и эта память теперь жгла сильнее любой раны.

Он огляделся. Его вещи — старая, потертая кожаная броня, верный меч, походный мешок — лежали сваленные в кучу на земле, там, где в её сне находился угол таверны. Иллюзия исчезла, но материальный мир остался неизменным.

Каэл подошел к вещам и начал одеваться. Движения были четкими, автоматическими, лишенными суеты. Затянуть ремень. Проверить крепления поножей. Накинуть рубаху.

«Ты не будешь Ведьмаком из фильма... ты там чужой», — звучал в ушах её голос с той снисходительной, горькой усмешкой.

Он усмехнулся в ответ, натягивая перчатку. Она думала, что его мир — это сказка, из которой нельзя выйти. Она думала, что он — часть декорации. Глупая женщина. Она забыла, кто он такой. Он — тот, кто выживает там, где умирают армии. Он — ищейка, которая всегда находит след.

Каэл поднял меч, привычно проверяя баланс, и загнал его

в ножны за спиной. Металл звякнул, утверждая его в этом мире.

— Чужой, говоришь? — тихо спросил он у восходящего солнца. — Чужаком быть не страшно, Оксана. Страшно быть слабым. А я не слаб.

Он посмотрел на горизонт, где багровое небо светлело, переходя в пронзительную голубизну. Мир вокруг был огромен, опасен и реален. И где-то в бесконечности вариантов реальностей существовал этот Город из стекла и бетона. Москва.

Каэл не знал, как он туда попадет. Ему понадобятся колдуны, провидцы, древние свитки или кровь богов — плевать. Он найдет способ. Золото у него есть. Воля — тоже. А теперь у него есть цель, которая стоила больше, чем все контракты королевства вместе взятые.

Он поправил перевязь, бросил последний взгляд на примятую траву, где только что исчез призрак его счастья, и твердо зашагал на восток, навстречу солнцу.

Охота началась.

Два мира

Путь на восток привел Каэла в портовый город, пропахший солью, ржавчиной и машинным маслом. В этом мире не водились огнедышащие драконы, а магию заменяли холодный расчет, порох и суровая наука. Но даже здесь существовали те, кто умел заглядывать за изнанку реальности. Их называли «настройщиками».

Ильмен был одним из них — местным любителем квантовых экспериментов, чья репутация балансировала между гениальностью и сумасшествием. Это был худой, сгорбленный старик лет шестидесяти, хотя из-за глубоких морщин, землистого цвета лица и вечного кашля он выглядел на все восемьдесят. Он жил в захламленной мастерской, до потолка забитой медными катушками, странными компасами, стрелки которых никогда не указывали на север, и картами невидимых полей. Ильмен не читал заклинаний. Он слушал частоты. Он умел находить те самые хрупкие точки, где электромагнитное поле их мира пересекалось с волнами чужих сновидений.

Обычно он продавал координаты таких «пузырей» богатым любителям острых ощущений. Но чужие сны были зыбкими: искатели приключений успевали провести там пару

часов, прежде чем сновидец просыпался, и мир рассыпался в пыль, выбрасывая незваных гостей обратно.

Когда Каэл вошел в мастерскую, старик недоверчиво прищурился, но звук тяжелого кожаного мешка, глухо ударившегося о заваленный чертежами стол, мгновенно преобразил его лицо. Ильмен жадно развязал тесемки. Тусклый свет выхватил блеск золота.

Старик сгреб монеты мозолистыми руками, его глаза алчно заблестели, а шестеренки в голове закрутились с удвоенной скоростью. Он подошел к огромному медному прибору, напоминающему астролябию, и начал крутить линзы, сверяясь с координатами, которые дал ему наемник.

— Значится так, сэр Каэл, — проскрипел Ильмен, глядя сквозь мутное стекло на сложную паутину квантовых нитей, проецируемую на стену. — Я вижу по карте вашу таверну. Мощная штука... Исключительная аномалия. За последние лет двадцать я не встречал такой плотности поля.

Ильмен оторвался от прибора и посмотрел на Каэла с неподдельным уважением.

— Обычно дома сновидцев держатся недолго. Человек просыпается — и всё, пузырь лопнул. Но эта ваша таверна...

По меркам нашего времени она простояла здесь больше года. Целый год стабильной квантовой массы! Хотя для самой сновидицы, учитывая искажение пространственно-временного континуума, это был всего лишь один ночной сон.

Старик почесал небритый подбородок, криво усмехнувшись:

— Видимо, ваша сновидица крепко хотела сбежать из своей реальности, раз ее подсознание выстроило такой железобетонный якорь в нашем мире. Ей там, должно быть, тошно.

Каэл ничего не ответил, но уголок его губ дрогнул в хищной усмешке. Его цепкий, тактический мозг наемника мгновенно проанализировал эту информацию. Она хотела сбежать. Москва, о которой она говорила с такой гордостью, не давала ей покоя. Ее разум отчаянно нуждался в укрытии, в защитнике, в этом лесу и очаге. А значит, она уязвима. Это было его главное преимущество. И он использует его, чтобы забрать свое.

Ильмен, не замечая опасного блеска в глазах воина, начал перебирать медные тумблеры на пульте управления.

— Пробить постоянный портал туда я пока не смогу, не хватит энергии, — деловито продолжил старик. — Но так

как ее поле всё еще оставило «вмятину» в нашей реальности, я могу поймать остаточную частоту. Я могу предложить вам, сэр Каэл, пробный визит. Так сказать, квантовый скачок по вектору ее следа.

Ильмен повернулся к наемнику, понизив голос до заговорщицкого шепота:

— Разница во времени колоссальная. Для меня и моего аппарата здесь пройдет лишь одна минута. Но в мире вашей дамы, в этой её «Москве», вы проведете пару суток. Достаточно времени, чтобы осмотреться, оценить обстановку... и оставить послание, если захотите.

Каэл смотрел на суетящегося старика холодным, немигающим взглядом. Двое суток в ее мире. Сорок восемь часов, чтобы найти ее, вдохнуть воздух ее душного Города и доказать ей, что он не плод ее фантазии.

Наемник сунул руку за пазуху своей потертой куртки.

— Продолжай, — ровным, ледяным тоном сказал Каэл и, шагнув к столу, с глухим стуком поставил перед Ильменом еще один, вдвое больший мешочек с золотом. — И сделай так, чтобы меня забросило как можно ближе к ней.

Увидев второй мешок, Ильмен издал хриплый, почти безумный хохот, переходящий в булькающий кашель. Золо-

то окончательно сорвало старику тормоза. Он схватил мешочек, взвесил его в руке и алчно облизнул пересохшие губы.

— Так-с! Давно мы никого никуда не отправляли в физическом теле! — радостно оскалился настройщик, бросаясь к главному пульту. Его руки запорхали над тумблерами с пугающей скоростью. — Слушайте внимательно, мистер Каэл! Там вы будете кем-то из ее реальности. Система защиты того мира сработает автоматически — мир сам подстроит вас под ее частоту, выдаст вам «легенду», чтобы местная ткань пространства вас не отторгла. Но ваша внешность, ваше тело, память и все ваши смертоносные умения сохранятся! В этом главное отличие между сном и реальным скачком. Вы будете собой, просто в других декорациях.

Старик схватился за огромный медный рубильник, от которого во все стороны уже сыпались синие искры.

— Готовы?! — прокричал он сквозь нарастающий гул машины.

Каэл слегка напрягся. Скорость событий, рев квантовой установки и сама мысль о том, что его тело сейчас расщепят на частоты, были чужды его природе. Но холодная решимость воина, привыкшего шагать в неизвестность, взяла верх. Он сжал челюсти и коротко, жестко бросил:

— Давай.

Ильмен заржал еще безумнее, перекрывая шум турбин, и рванул вниз всё, что только можно было рвануть на пульте.

Пространство вокруг наемника свернулось с оглушительным треском. Вспышка ослепительного белого света выжгла воздух в мастерской, запахло озоном и паленой медью. Каэл исчез.

Ильмен, кряхтя, вытер пот со лба, достал из кармана массивные карманные часы на цепочке и стал отсчитывать секунды, попутно поглаживая мешочки с золотом. Тридцать секунд. Сорок. Пятьдесят...

Ровно через минуту воздух в центре комнаты снова взорвался плотным хлопком.

Каэл возник из ниоткуда. Он рухнул на одно колено, тяжело, со свистом втягивая воздух, словно его только что выдернули из седла в самом разгаре бешеной скачки. От него исходила дикая, первобытная кинетическая энергия — энергия человека, которого вырвали из эпицентра схватки. На нем больше не было кожаной брони — ее заменила плотная, темная ткань незнакомого кроя, странная куртка и тяжелые

ботинки на толстой подошве. Но под этой одеждой перекатывались всё те же литые мышцы.

Ильмен не успел даже открыть рот, чтобы спросить, как прошла экскурсия.

Каэл двигался так быстро, что человеческий глаз не уловил перехода от статики к атаке. В долю секунды наемник оказался рядом со стариком. Одним слитным, безжалостным движением он впечатал Ильмена в стену спиной, сбив пару медных приборов.

Широкая, жесткая ладонь Каэла стальным капканом сомкнулась на горле настройщика. Он сжал пальцы ровно настолько, чтобы перекрыть кислород, но не сломать хрупкие шейные позвонки. Это был захват профессионала — не для убийства, а для выбивания информации.

Глаза Каэла, еще секунду назад смотревшие на небоскребы Москвы, сейчас пылали мрачным, опасным огнем. Он навис над задыхающимся стариком, и в его тихом, полном угрозы голосе не было ни капли растерянности:

— А теперь, старик, — прошипел Каэл, глядя прямо в выпученные глаза Ильмена, — ты подробно расскажешь мне, как обойти гребаные законы ее мира. Потому что сорока

восьми часов мне не хватило.

***

Оксана резко открыла глаза, судорожно втягивая воздух. Сердце колотилось где-то в горле, а тело горело так, словно она только что вынырнула из горячего источника. Простыни под ней смялись, влажные от испарины.

Она села в кровати, откидывая прилипшие к лицу пряди волос.

— Какой… реальный сон, — прошептала она в тишину спальни.

Голос дрогнул. Закрыв лицо руками, она с острым, почти болезненным наслаждением попыталась удержать ускользающие образы. Жаркий полумрак таверны. Запах дыма, дерева и мужского пота. Тяжесть сильных рук на ее талии, обжигающий взгляд темных глаз, в которых не было ни капли сомнения или оценки. Только чистая, первобытная потребность.

Как же его звали?

Оксана нахмурилась, перебирая обрывки сновидения. Ка… Карен? Килиан? Память предательски промолчала, словно кто-то стер это имя из ее сознания в тот самый миг,

когда она открыла глаза. Осталось лишь ощущение его присутствия — подавляющее, опасное и невыносимо притягательное.

Она опустила руки и медленно огляделась по сторонам, возвращаясь в реальность. В щель между шторами пробивался бледный свет уличного фонаря, выхватывая из темноты привычные очертания ее идеального мира: безупречно белый шкаф-купе, аккуратный туалетный столик с ровными рядами косметики, нежные пудровые обои. В ногах, свернувшись уютным теплым клубочком, мирно посапывал ее йоркширский терьер.

Светящиеся цифры на электронных часах показывали 3:15 ночи.

Оксана откинулась на подушки. Сон не отпускал. Он был не из тех нелепых ночных фантазий, которые забываются за утренней чашкой кофе. Это был сон-клеймо, из тех, что врезаются в подкорку и остаются там на всю жизнь. Ей казалось, что горячие отпечатки его жестких пальцев все еще живут на ее коже, что губы до сих пор помнят жесткий вкус его поцелуев.

Она невольно улыбнулась, погладив кончиками пальцев свои ключицы.

Оксана знала, что красива. У нее была женственная фигура, нежное, немного подростковое лицо, и густые, непослушные волосы цвета темных каштанов. Объективно красива. Но эта уверенность была погребена под многослойной броней комплексов, заботливо выкованной ее двумя бывшими мужьями.

Они были мастерами тонкой критики. Для первого ее нос был «каким-то аристократически-длинным, не находишь?». Для второго ее природные локоны казались «неопрятными» и «слишком волнистыми, нужно бы выпрямлять». Там не тот оттенок кожи, здесь не та интонация, слишком громко смеется, слишком много думает.

И Оксана, вечная заложница своего «синдрома отличницы», годами пыталась заслужить высший балл. Она выпрямляла волосы, училась смеяться тише, контролировала каждый жест, пытаясь быть выбранной, пыталась соответствовать их меняющимся стандартам и терпеливо сносила их изящные колкости. Она строила идеальную жизнь в этой белой спальне, шаг за шагом стирая саму себя.

Но в этом невероятном сне всё было иначе. Тот безымянный мужчина из иллюзорной таверны принимал ее целиком. Он не оценивал профиль и не придирался к прическе. Он

смотрел на нее так, словно она была единственной женщиной, оставшейся в живых на всей земле. В его руках она не была отличницей на экзамене. В том сне, подчиняясь его силе, она была его покорной слугой, но в то же время, владея его разумом и желанием, она чувствовала себя абсолютной, полновластной королевой.

Это было пьянящее, забытое чувство свободы.

Оксана глубоко вздохнула, кутаясь в одеяло. Тепло постепенно возвращалось к ней, а сердцебиение замедлялось, входя в привычный ритм. Она закрыла глаза, надеясь хотя бы на мгновение вернуться в ту прокуренную таверну.

Но экран воображения остался темным. Лишь легкая, почти счастливая улыбка застыла на ее губах, пока она плавно погружалась в глубокий, спокойный сон, уже без сновидений, до самого утра.

***

Когда Ильмен с безумным хохотом рванул рубильник, Каэл не просто исчез — он прошел сквозь все круги преисподней. Его тело словно расщепили на раскаленные атомы, протащили сквозь ледяную пустоту между мирами и с силой вбили в новую форму. Боль была такой, что даже он, привыкший к рубленым ранам и ожогам, едва не потерял сознание.

А затем наступила абсолютная, звенящая тишина.

Каэл открыл глаза. Он стоял посреди огромной, залитой холодным светом комнаты. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на чужой, пугающий пейзаж. «Двадцать третий этаж… жилой комплекс бизнес-класса», — эта мысль всплыла в его мозгу сама собой, четкая и ясная, словно системное уведомление. Новая реальность безжалостно подселялась в его сознание, интегрируя новые знания, термины и навыки, но бережно сохраняя его истинную суть, его память и инстинкты хищника.

Он подошел к стеклу и посмотрел вниз. Бесконечные серые ленты дорог, по которым ползли металлические жуки машин, лес из бетона и стекла, разрезающий пасмурное небо.

— Да уж… ничего прекрасного, — глухо проронил Каэл. В его мире горы и леса дышали силой, а этот город казался мертвым каменным лабиринтом. Но именно здесь пряталась его цель.

Каэл оделся. Вместо привычной кожи и стали теперь на нем был безупречно скроенный темный костюм, сидевший на его литых мышцах как вторая кожа — современный до-

спех. Зайдя на минималистичную кухню, он сварил себе кофе — черную, горькую жижу, которая должна была заменить ему утренний эль, залпом выпил ее, поморщившись, и спустился на подземный паркинг.

Там, в полумраке, его ждал его новый «железный конь», услужливо предоставленный местной реальностью. Матовый, угольно-черный, тяжелый, угловатый, агрессивный «Гелендваген». Машина, похожая на закованного в броню боевого носорога, идеально подходила его нраву.

Каэл сел за руль. Ему не нужно было думать, что делать — пальцы сами обхватили обтянутый кожей руль, нога уверенно выжала педаль, будя рычащий восьмицилиндровый двигатель. Он управлял этим ревущим зверем так же интуитивно и хищно, как владел своим двуручным мечом.

Сегодня был его первый день на новой работе. Матрица этого мира щедро одарила его: он был назначен генеральным директором «Эфир-Архитектс» — небольшой, но невероятно успешной компании на пятьсот человек, занимающейся проектированием элитной недвижимости и закрытых загородных клубов. Для Каэла, чье сознание теперь вмещало концепции инвестиций и акций, это было лишь одним из направлений — он совмещал эту должность с управлением еще несколькими суровыми активами. Местный мир признал в

нем альфу и дал соответствующие ресурсы.

Спустя час он вошел в свой новый офис. Это было старинное, величественное здание в самом сердце Москвы, с высокими потолками и лепниной, где современный минимализм встречался с имперским размахом. Каэл провел короткое, жесткое совещание с топ-менеджерами. Местные «хищники» в галстуках мгновенно почувствовали исходящую от нового босса скрытую угрозу и стальную волю, признав его власть с первых же минут.

Оставшись один в своем роскошном кабинете, Каэл расстегнул пиджак, сел в кожаное кресло и открыл корпоративный портал на ноутбуке.

Строка поиска. Пальцы быстро набрали одно слово: Оксана.

Система выдала пять результатов.

Он отмел первые две карточки не глядя. Нажал на третью… и его сердце, закаленное в сотнях битв, победно и гулко застучало в груди.

Вот она.
Белозерская Оксана. Ведущий дизайнер-проектировщик.

Его взгляд зацепился за цифры в анкете. Возраст: 35 лет. Каэл удивленно поднял бровь. В таверне, в свете очага, она казалась ему совсем юной, милой двадцатилетней девушкой, с ее распахнутыми глазами и трогательной улыбкой. Но фотография в карточке расставила всё по местам. С экрана на него смотрела невероятно красивая женщина. В ее взгляде читался ум и затаенная усталость отличницы, но плавный изгиб плеч и то, как ткань блузки ложилась на декольте, манко и неопровержимо выдавали в ней ту самую зрелую, роскошную королеву его жизни, чей вкус он всё еще чувствовал на своих губах.

Она была здесь. На расстоянии вытянутой руки. В его подчинении.

Каэл медленно, почти нежно провел мозолистым пальцем по гладкому экрану монитора, очерчивая контур ее лица на фотографии.

— Глупая Оксана… — тихо, с хриплой усмешкой произнес он в пустом кабинете. — А говорила — Ведьмак. Говорила, чужой…

И внезапно он рассмеялся. Громко, раскатисто, по-волчьи — так смеются наемники, увидевшие, что враг сам загнал

себя в ловушку. Этот грубый, торжествующий смех варвара отразился от стен дорогого московского офиса, возвещая о том, что охотник нашел свою добычу, и правила игры теперь принадлежат только ему.

****

Утро выдалось на удивление легким. Оксана проснулась с таким чувством, будто скинула с плеч невидимую тяжесть. Стоя перед зеркалом, она поймала себя на том, что кончики ее пальцев то и дело едва касаются губ — они словно все еще хранили фантомный, обжигающий след того невозможного поцелуя.

Подчиняясь какому-то странному, интуитивному порыву, она достала из шкафа вещи, которые надевала крайне редко. Тонкая белая блузка из замысловатого кружева, гладкая шелковая юбка, струящаяся до самых щиколоток, и элегантные черные туфли-лодочки на тонком каблуке. Она не осознавала, что в точности повторяет тот самый наряд, который ее подсознание создало в последние секунды сна. Легкий, дорогой макияж в стиле «nude» лишь подчеркнул свежесть ее лица и высокие скулы, а непослушные волнистые волосы она собрала в нарочито небрежный, но очень красивый свободный пучок ближе к шее. Выглядела она безупречно — как женщина, которая знает себе цену.

Офис «Эфир-Архитектс» встретил ее взбудораженным

гомоном. Опенспейс гудел, как растревоженный улей. Главной темой пересудов у кофемашины был новый генеральный директор с необычным именем — Каэл Воронцов. Фамилия звучала породисто, по-княжески, отдавая старыми деньгами и властью.

Оксана, наливая себе воду, мысленно покрутила странное имя на языке. «Каэл… А если убрать букву "э"?» — подумала она, и вдруг тихонько, по-хулигански хихикнула в ладошку, представив реакцию сурового босса на такое сокращение. Это маленькое ребячество окончательно подняло ей настроение.

Ее рабочий уголок располагался у огромного панорамного окна. Просторный, светлый и очень уютный: идеальный порядок на столе разбавлял лишь стильный керамический горшочек, в котором росла свежая мята. Оксана чуть потерла зеленый листик, вдыхая ненавязчивый, успокаивающий аромат, надела наушники и с головой погрузилась в проект нового загородного комплекса. Она искренне любила свою работу, любила создавать миры из линий и цифр.

Ближе к обеду гул в опенспейсе стих, сменившись напряженным, выжидательным шепотом. Оксана оторвала взгляд от монитора.

Из коридора руководящих кабинетов в сопровождении стайки топ-менеджеров вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, на вид лет тридцати пяти — сорока, в темно-сером костюме, который явно стоил как хороший автомобиль и сидел на нем с пугающей безупречностью. Он был красив той грубой, хищной красотой, от которой у женщин перехватывает дыхание. Дамы за соседними столами мгновенно выпрямили спины, заинтересованно и откровенно поглядывая на нового босса.

Каэл Воронцов двигался по офису с грацией крупного хищника. Он позволил топ-менеджерам вести эту показную экскурсию ровно пять минут. Затем, не дослушав какую-то тираду финансового директора, он сухо и жестко поблагодарил свиту, отрезав дальнейшие комментарии.

И вдруг, как-то слишком резко, почти неправдоподобно быстро для своих габаритов, оказался у ее стола.

— Оксана. Добрый день, — его голос прозвучал низко, с легкой, едва уловимой хрипотцой.

Она вздрогнула, вытаскивая наушник. Мужчина возвышался над ней, заслоняя свет из окна.

— Добрый день, — немного напряженно ответила она,

снизу вверх глядя на гендира.

Каэл смотрел на нее. Не просто смотрел — он бесцеремонно, тяжело и жадно сверлил ее взглядом, изучая каждую черточку ее лица, кружево блузки, небрежный пучок волос. В его темных глазах плескалось нечто такое, от чего по спине Оксаны пробежал холодок.

Спустя минуту этого невыносимого молчания он моргнул, словно переосмыслив ситуацию и вспомнив, где находится. Его взгляд сместился на экран ее монитора, где крутилась 3D-модель комплекса.

— Творите реальность вашего Города, но уже за компьютером? — странно, с необъяснимой иронией спросил он.

Оксана растерянно хлопнула ресницами.

— Эээ… ну да. Я дизайнер-проектировщик, — вежливо, но подчеркнуто сухо ответила она.

Этот Каэл ей категорически не понравился. Его бесцеремонное, вторгающееся в личное пространство сближение, этот оценивающий, хозяйский взгляд… «Все понятно, — мысленно постановила Оксана, надевая свою броню "отличницы". — Очередной альфа-самец, привыкший к безотказности секретарш и дорогому эскорту». Таких самоуверен-

ных типов она презирала всей душой.

Каэл — опытный охотник — мгновенно считал ее отторжение. Стена, которую она воздвигла между ними, была почти осязаемой. Но сдаваться наемник не привык ни в одном из миров.

— Оксана, — его тон стал более деловым, но в нем все равно скользили властные нотки, — прошу Вас провести мне экскурсию по местным местам для ланча. Составьте компанию.

Краем глаза Оксана заметила, как пара дамочек за соседними столами замерли, делая вид, что бешено печатают, а сами буквально превратились в локаторы, наблюдая за сценой.

Она ровно посмотрела ему прямо в глаза и безупречно-вежливым тоном произнесла:

— Каэл... простите, не знаю Вашего отчества. Я обычно покупаю готовый обед в автомате на первом этаже и разогреваю в офисной столовой. У меня горят сроки по проекту.

При словах «обед в автомате» лицо Каэла дрогнуло. Он сильно напрягся, челюсти сжались, а губы скривились в выражении глубокого, искреннего отвращения. В его перво-

бытном понимании кормить свою женщину пластиковой, мертвой едой из железной коробки было немыслимо.

Его ноздри чуть расширились, когда он втянул воздух, успокаивая рвущегося наружу зверя.

— Ясно, — процедил он сквозь зубы так сухо, что в воздухе, казалось, захрустел лед. — Хорошего дня, Оксана.

Он круто развернулся, обдав ее запахом дорогого парфюма с нотками древесного дыма, и зашагал прочь. В коридоре его тут же перехватила эффектная главбух, щебеча что-то про люксовый ресторан итальянской кухни через дорогу, где уже забронирован столик. Каэл, не оглядываясь, позволил увести себя из опенспейса.

Оксана выдохнула, чувствуя, как мелко дрожат руки, и снова уткнулась в монитор. Сон сном, а сегодняшний день опять отвратил ее от мира мужчин самовлюбленными начальниками.

****

Обед с главным бухгалтером прошел для Каэла мучительно долго, хотя по земным меркам занял от силы полчаса. Он ел быстро, сухо и молча, совершенно игнорируя все старания дамы, ее томные взгляды и максимально выпяченное де-

кольте. Более того, местные женщины в строгих брючных костюмах вызывали у него глухое раздражение — в его родном мире они напоминали бы ему нелепых ослов, на которых зачем-то нацепили лошадиную гриву. В них не было той мягкой, первобытной женственности, которую он искал. Точнее, которую он уже нашел.

Ровно в 17:00, когда рабочий день в офисе начал сворачиваться, Каэл, движимый инстинктом хищника, выследил Оксану.

Она стояла у лифта, перебирая в руках ремешок сумочки. Когда створки бесшумно разъехались, и она шагнула внутрь, массивная фигура Каэла бесшумной тенью скользнула следом. Двери закрылись, отрезая их от офисного шума.

Оксана заметно занервничала. Пространство кабины вдруг показалось катастрофически тесным. От мужчины исходил жар, подавляющая энергетика и тот самый странный, будоражащий аромат. Она поспешно потянулась к панели, чтобы нажать кнопку первого этажа, но не успела.

Широкая, горячая ладонь Каэла легла поверх ее руки, полностью накрывая тонкие пальцы.

Оксана резко вскинула голову, ее глаза расширились:

— Каэл?? Что вы...

— Я привык всё контролировать, Оксана, — его низкий голос заполнил тесную кабину, вибрируя где-то на уровне ее солнечного сплетения. — Даже кнопки лифта.

Он сам нажал на "-2", не убирая свою руку с ее руки. Оксана попыталась отстраниться, выдернуть пальцы, но Каэл удерживал ее мягко, но с такой непреодолимой, стальной твердостью, что спорить с этой силой было бесполезно. Он не сжимал ее больно, просто давал понять: он больше не собирается отпускать ее ни на секунду.

Лифт плавно пошел вниз, миновал первый этаж и с мелодичным звоном открыл двери на подземной парковке.

Оксана с неприятным удивлением и холодком под ложечкой осознала, что они приехали совсем не туда, куда ей было нужно. Полумрак бетона, гул вентиляции и ни души вокруг. Но Каэла уже ничто не останавливало. Он мягко подтолкнул ее вперед, направляя руку на ее поясницу.

— Пройдемте, Оксана, — безапелляционно сказал он, указывая на свой матово-черный, хищный Гелендваген, выделяющийся даже на фоне других дорогих машин.

Будучи заложницей ситуации и чувствуя, как паника смешивается с совершенно неуместным трепетом, Оксана решила отчаянно сопротивляться. И ее главным оружием всегда был сарказм.

— Удивлена, что у вас машина Нагиева из сериала «Физрук», Каэл, — фыркнула она, нервно поправляя прядь волос. — Знаете, я даже не удивлюсь, если у вас там на заднем сидении небрежно брошена кожанка, бита и темные очки.

Каэл не понял и половины из сказанного, не зная ни Нагиева, ни «Физрука», но прекрасно уловил ее колючую, защитную интонацию. Его губы дрогнули в хищной ухмылке. Он наклонился чуть ближе к ее лицу.

— Нет, Оксана. Там у меня чемодан с деньгами, на которые мы с тобой будем жить, — абсолютно серьезно и ровно ответил он.

У Оксаны аж дыхание сперло от такой немыслимой, ломающей все шаблоны наглости. Она открыла было рот, чтобы выдать гневную тираду о субординации, харассменте и вызове полиции, но… осеклась.

Запах. Этот тонкий, неуловимый запах древесного дыма,

потертой кожи и чего-то мужского, дикого, ударил ей в голову. Мозг на секунду закоротило. Это был запах из ее сна. Тот самый.

Психика Оксаны, годами закалявшаяся «синдромом отличницы», правилами приличия и страхом сделать что-то не так, вдруг дрогнула и стремительно отступила. Броня дала трещину. И сквозь нее наружу вырвалась та самая Оксана, которая этой ночью в прокуренной таверне предавалась сказочному, обжигающе-реальному безумию. Женщина, которая хотела подчиняться и властвовать одновременно. Дух авантюризма, спавший в ней годами, внезапно взял верх над разумом.

Каэл, не давая ей времени на раздумья, уже приветственно открыл перед ней тяжелую пассажирскую дверь. Он не приглашал — он констатировал факт. И Оксана, сама от себя не ожидая такой покорности, молча села на роскошное кожаное сиденье.

Дверь захлопнулась с глухим, солидным звуком, отрезая их от внешнего мира. Каэл обошел машину с грацией крупного кота и сел за руль, мгновенно заполнив собой всё пространство салона.

Оксана повернула к нему голову. Ее большие, выразительные серо-зеленые глаза сейчас смотрели на него без страха,

но с затаенным, почти мистическим любопытством.

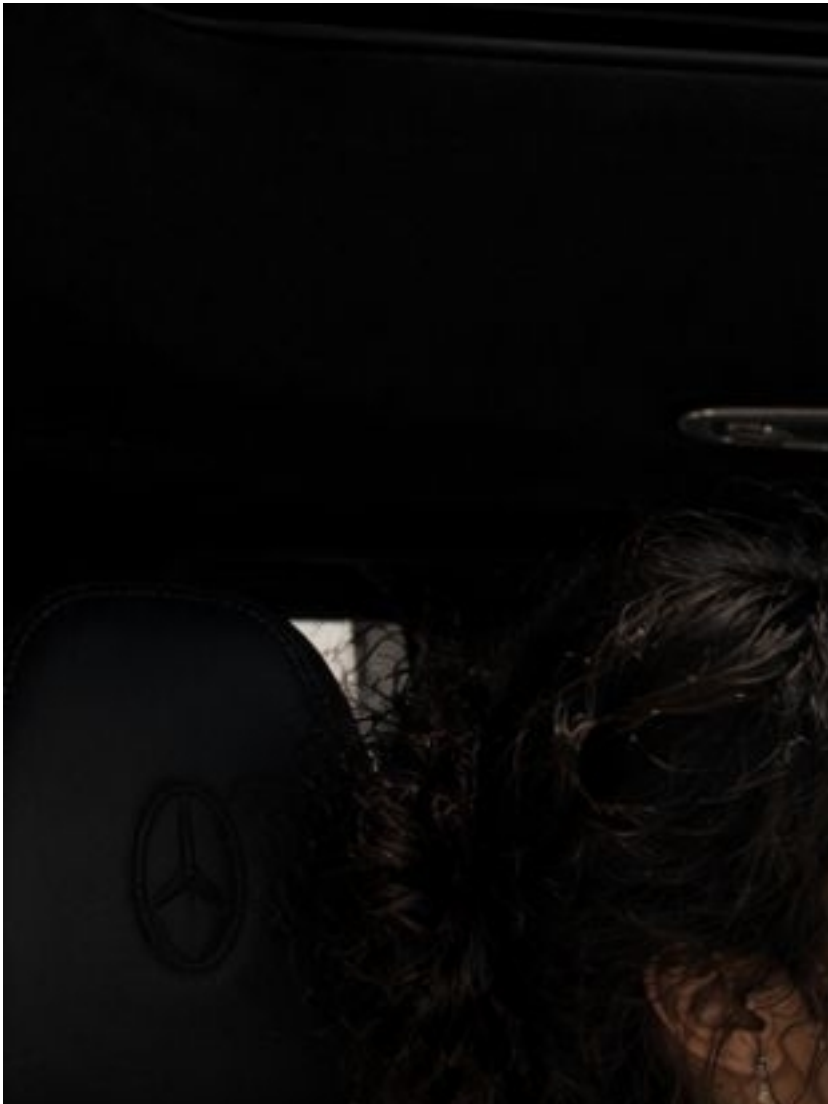
— Куда едем, Каэл? — тихо спросила она, и в ее голосе больше не было офисной сухости.

Он вставил ключ, и мощный мотор отозвался низким, утробным рыком, эхом разнесшимся по парковке. Каэл повернул голову, встретился с ее взглядом и, не отрывая глаз от ее губ, коротко ответил:

— К тебе.

****

Дорога показалась Оксане одновременно пугающе быстрой и бесконечно долгой. Каэл вел тяжелый Гелендваген так, словно это был живой, горячий скакун в его родном мире — интуитивно, резко перестраиваясь, заставляя окружающих водителей шарахаться от угольно-черной массы. В его движениях не было ни грамма напряжения, только хищная, сдержанная сила.



Оксана сидела рядом, чувствуя, как от этого первобытного напора у нее слегка замирает сердце и предательски слабеют колени. Она почти замлела в уютном кожаном кресле, краем глаза наблюдая за профилем мужчины, который всего за один день сломал все ее идеальные, выстроенные годами границы.

Они припарковались у ее дома — обычной четырнадцатиэтажной панельки в Братеево. Это был старый, уютный спальный район, расположенный в широкой пойме Москвы-реки, которая своими извилистыми набережными и зелеными парками словно мягко обнимала жителей, защищая от столичной суеты. Но Каэл не обратил на пейзаж никакого внимания. Его интересовала только добыча.

Молча, не давая Оксане опомниться или передумать, они поднялись на седьмой этаж. Ключ повернулся в замке, и они шагнули в ее крепость — аккуратную, светлую двушку. Небольшая прихожая, кухня, гостиная и спальня, где центральное место занимала довольно широкая, застеленная белым бельем кровать.

С радостным лаем навстречу выкатился йорк Буся. Но, едва подбежав к ногам Каэла, песик вдруг резко затормозил, поджал хвост, пискнул и с пробуксовкой на ламинате пулей

улетел прятаться под диван в гостиной.

Каэл, уже скинувший ботинки, удивленно вскинул бровь. Местный обычай держать собак в доме, да еще таких крошечных, казался ему дикостью, но этот пушистый комок с бантиком показался ему забавным — больше похожим на странного кота, чем на пса.

Повисла густая, звенящая, невыносимо неловкая для Оксаны пауза. Она стояла у входа на кухню, судорожно сжимая ручку сумочки, не зная, что сказать, как себя вести и зачем вообще она пустила в дом своего начальника.

А Каэл обдумывал ситуацию. Его темный взгляд сканировал ее лицо, ища хотя бы искру узнавания.

— Ты меня не помнишь? — наконец, низко и ровно спросил он.

Оксана нервно сглотнула.

— Эээ… Помню, Каэл. Вы наш новый гендиректор.

В одно неуловимое мгновение он сократил расстояние между ними. Его горячие, жесткие пальцы властно легли ей на подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть ему

прямо в глаза.

— Ты — Оксана. Элина, — его голос стал бархатным, глубоким, полным опасных вибраций. — Хозяйка таверны на границе Темного леса. Таверны, сотканной из твоего квантового сна прямо в моей реальности… Моя хозяйка. А я — твой цепной пес. Твой воин. И ты — мое сокровище. Моя принцесса.

Слова падали, как тяжелые камни в колодец.

Оксана похолодела. Кровь отхлынула от лица. Обрывки ночного безумия начали складываться в единую, невозможную, сумасшедшую картину. Запах дыма. Таверна. Жесткие руки. Мужчина, ради которого она была готова на всё.

«Он… Он здесь? Нет, этого не может быть. Я сошла с ума. Это психоз от переутомления», — паника холодными щупальцами сдавила ей горло. Ужас накатил внезапной, удушающей волной.

Она резко отпрянула, вырвав подбородок из его хватки, и спиной вперед отступила на кухню. Взгляд заметался по столу, по шкафчикам. На подоконнике, рядом с горшком мяты, стояла небольшая пластиковая бутылка со святой водой — подарок набожной тетушки на Крещение.

В порыве абсолютного, экзистенциального ужаса, не контролируя себя, Оксана схватила бутылку, свинтила крышку и, зажмурившись, с размаху окатила Каэла с ног до головы.



Вода плеснула ему прямо в лицо, щедро залив дорогой пиджак и белоснежную рубашку.

Каэл замер. Он совершенно не понял смысла этого странного ритуала. Вода не была ядом, не обжигала кислотой. Он просто стоял посреди чужой кухни, медленно моргая, пока капли стекали с его ресниц и подбородка.

Затем, не говоря ни слова, он медленно, хищным движением стянул с себя насквозь промокший пиджак и бросил его на стул. Следом полетела мокрая рубашка, обнажив торс.

Оксана, всё еще сжимающая пустую бутылку, как щит, уставилась на него, забыв, как дышать.

Его тело было до боли, до крика знакомым. Литые, твердые как камень мышцы, грубая кожа, покрытая старыми шрамами. Но один шрам приковал ее взгляд намертво — длинный, рваный след на левом предплечье. Тот самый шрам, который он получил в жестоком бою за ее таверну. За ее дом. В ее сне.

Она вспомнила, как ее пальцы, дрожа, касались этого рубца в полумраке.

Каэл провел рукой по мокрым волосам, откидывая их на-

зад, и криво, торжествующе усмехнулся. В этой усмешке не было ничего от респектабельного генерального директора. Это был оскал варвара.

—Ну что, Оксана? — тихо, с хрипотцой прорычал он, делая к ней медленный шаг. — А говорила — Ведьмак. Говорила, что я чужой. А сама помнишь каждую мою рану.

Оксана побледнела до самого основания. Бутылка с глухим стуком выпала из ее ослабевших пальцев и покатилась по кафельному полу кухни. Реальность треснула пополам.

Пластиковая бутылка, откатившись к стене, замерла. А вместе с ней замерла и прежняя, правильная Оксана.

Словно невидимая плотина рухнула, и она, наконец, впустила в себя свой квантовый сон, позволив ему стать реальностью. Воспоминания нахлынули яркими, осязаемыми вспышками. Деревянный дом с шумной таверной внизу и уютными, скрытыми от чужих глаз комнатами наверху. Весь этот мир был соткан из нитей ее собственного подсознания, из ее тайных желаний и страхов. И в центре этого мира стоял он.

Каэл. Суровый наемник с руками, по локоть в крови чудовищ, которого она, Элина, пустила на порог. Она приняла его как защитника своего дома. И дважды отдалась ему в

полумраке своей спальни. Но сейчас, глядя на его влажный, испещренный шрамами торс, Оксана с пугающей ясностью осознала суть того, что между ними произошло.

Каэл смотрел на нее как на саму жизнь. Как на священный Грааль, смысл своего существования и единственную причину дышать. А она… она смотрела на него снизу вверх, но видела в нем лишь безупречно работающий механизм. Вещь. Красивый, опасный клинок, который она взяла в руки. Приятный бонус к абсолютной безопасности.

Это было поразительно, дико и странно. Всю жизнь ее бывшие мужья методично обесценивали ее саму, низводя до уровня удобной, но бракованной вещи. И вот теперь ее собственное подсознание вывернуло эту травму наизнанку: она создала мир, где сама могла обесценить того, кто был готов бросить к ее ногам вселенные.

Оксана понимала: Каэл не отступится. Если этот дикарь нашел путь оттуда, прорвал ткань миров, чтобы оказаться в ее московском офисе и стать ее боссом, он пойдет до конца.

Но страх ушел. Вместо него из глубин души поднялась ее темная, но не злая суть — суть Элины, полновластной хозяйки таверны на границе Темного леса. Расправив плечи, она вдруг почувствовала, что именно она здесь — королева

положения. Как и всегда рядом с ним.

Каэл, обладающий звериным чутьем, безошибочно прочел эту внезапную, властную перемену в ее потемневших серо-зеленых глазах. Его челюсти сжались.

— Хочешь поиграть со своей собачкой на «гелике»? — глухо процедил он, и в его тоне горечь смешалась с опасной, режущей иронией.

Оксана выпрямилась, скрестив руки на груди. Кружево блузки затрепетало от ее дыхания.

— Нет. Игры мне приелись еще в детстве, Каэл, — ее голос зазвучал твердо, прохладно, без тени недавней паники. — Зачем ты здесь? Я дала понять еще там, что мой мир — только мой. Ты был лишь гостем.

Каэл сделал тяжелый вдох, словно ее слова физически ударили его в грудь.

— А мой мир — это ты, — ответил он. В этих простых словах звучала фанатичная, жуткая преданность.

Оксана вдруг нехорошо, звонко рассмеялась. Этот смех не имел ничего общего с хихиканьем офисной скромницы —

так смеялась женщина, осознавшая свою абсолютную власть над хищником.

— Каэл… — она чуть склонила голову набок, разглядывая его с почти научным интересом. — Секс был впечатляющим. Безумно впечатляющим. Но давай будем честны: я просто платила тебе. Платила собой за то, что ты рисковал своей жизнью ради моей безопасности. Это была сделка.

Ее грудь под тонкой белой блузкой часто и тяжело вздымалась — адреналин пульсировал в венах, будя в ней первобытный азарт.

Каэла это зрелище одновременно сводило с ума от животного вожделения и невероятно, до слепой ярости злило. Его ноздри раздувались, руки сами собой сжались в кулаки. Он ненавидел эту холодную правду, ненавидел ее независимость, но желал ее так, что ломило кости.

— Я больше не твой трофей, Каэл. И ты — не мой хозяин, — отрезала Оксана, чеканя каждое слово. — Здесь я могу выбирать. И пока что выбор не в твою пользу. Тебе придется с этим смириться.

Ее слова повисли в тишине маленькой кухни, как приговор.

Глаза Каэла потемнели до черноты, превратившись в два бездонных провала. Зверь внутри него взревел, требуя прижать ее к стене и доказать обратное, но остатки разума, скачанные из этой реальности, удержали его.

— Но это — "пока", — угрожающе, почти не разжимая губ, процедил Каэл.

***

Он резко, не вытираясь, натянул на влажное тело мокрую рубашку, ткань которой тут же прилипла к шрамам, следом подхватил пиджак. Бросив на Оксану последний, испепеляющий взгляд, в котором смешались обещание войны и отчаянная любовь, он развернулся и вышел в коридор.

Спустя мгновение тяжелая входная дверь захлопнулась с таким грохотом, что в квартире звякнули стекла, оставив Оксану одну в оглушительной тишине ее отвоеванного мира.

На следующее утро Оксана собиралась на работу так, словно надевала доспехи. Вчерашняя уязвимость в кружевной блузке осталась в прошлом. Сегодня она выбрала броню более агрессивную, но безупречно элегантную: строгие черные брюки, идеально облегающие бедра и подчеркивающие красивые линии фигуры, классические лодочки на шпильке и изумрудную атласную рубашку. Гладкая ткань струилась по телу, ненавязчиво, но очень выразительно подчеркивая

красивую, упругую натуральную грудь.

Макияж был чуть ярче и жестче обычного: четкие скулы, легкая стрелка, делающая взгляд серо-зеленых глаз глубже. Непослушные волны волос она стянула в строгий, высокий хвост. Взглянув в зеркало, Оксана удовлетворенно кивнула. В ней не было вульгарной хищности, но от каждого движения веяло властью, уверенностью и холодной грацией. Суть Элины, хозяйки таверны, окончательно проснулась и требовала своего места в этом бетонном мире.

Опенспейс встретил ее густой, почти осязаемой тишиной, которая тут же взорвалась торопливыми перешептываниями за спиной.

Едва она подошла к своему столу, к ней чуть ли не бегом подлетела личный секретарь генерального директора, прижимая к груди кожаную папку.

— Оксана Сергеевна, доброе утро! Подпишите, пожалуйста, здесь. И вот здесь, на каждом листе, — девушка дышала так, словно пробежала марафон.

— Что это? — Оксана нахмурилась, глядя на россыпь синих стикеров на документах.

— Это приказ о вашем назначении и новый трудовой договор. Вы теперь — заместитель генерального директора.

Оксана замерла. Глаза быстро пробежались по строчкам казенного текста и намертво вцепились в пункт «Оклад». Цифра с нулями, напечатанная жирным шрифтом, была на два порядка больше ее нынешней зарплаты. Мозг, годами привыкший экономить и рассчитывать только на себя, мгновенно капитулировал перед этой суммой. Рука сама, чисто машинально, вывела твердую подпись там, где просила секретарь.

Золотая клетка захлопнулась, не успев даже скрипнуть.

Секретарь исчезла так же стремительно, как появилась. Оксана медленно, стараясь не подавать вида, что мир вокруг нее только что совершил кульбит, опустилась в свое кресло у окна. Она сделала большой глоток воды с лимоном и мятой, пытаясь остудить мысли и включиться в текущий день. «Он купил меня. Или оценил? Нет, он просто меняет правила игры», — билось в голове.

Спустя полчаса идиллию прервал запыхавшийся начальник АХО.

— Оксана Сергеевна! — он смотрел на нее уже совсем

другим, заискивающим взглядом. — Мы готовим вам отдельный кабинет, выделили под это переговорную на этаже руководства. Но пока идет ремонт... все так неожиданно... Каэл... э-э... Каэл Викторович распорядился оборудовать вам рабочее место прямо в его кабинете. Там поставили дополнительный стол. Вам помочь собрать вещи?

— И когда переезд? — ледяным тоном спросила Оксана.

— Прямо сейчас, — виновато развел руками начальник АХО.

Оксана молча кивнула. Спора не вышло. Каэл ударил по всем фронтам: он не просто дал ей власть, он физически выдернул ее из безопасного опенспейса и затащил на свою территорию.

Она методично сложила свой немногочисленный скарб в картонную коробку, которую услужливо подставил завхоз. Сверху лег керамический горшочек с мятой. Оксана выпрямилась, одернула атласную рубашку и, сопровождаемая десятками горящих от любопытства взглядов, пошла вслед за начальником АХО по коридору. Она чувствовала себя пленницей, которую ведут в шатер к предводителю варваров.

Но огромный кабинет генерального директора оказался

пуст. Воздух здесь был пропитан легким запахом дорогого кофе и тем самым, едва уловимым древесным ароматом, от которого у Оксаны мурашки бежали по спине. На массивном столе из темного дуба царил идеальный порядок. Чуть поодаль, у панорамного окна, действительно стоял новый, изящный стол для нее.

— Каэл Викторович срочно уехал на совещание Совета директоров, будет после обеда, — пояснил завхоз, ставя коробку, и поспешно ретировался.

Оксана осталась одна. Она подошла к стеклянной стене, отделявшей кабинет от приемной и коридора руководства. В соседнем кабинете с открытой дверью сидела главбух. Ее декольте сегодня казалось еще более вызывающим, но лицо было перекошено от плохо скрываемой злобы. Она сверлила Оксану уничтожающим взглядом, полным зависти и ненависти.

Оксана, чувствуя закипающую в крови надменность своей внутренней королевы, посмотрела прямо в глаза сопернице. Уголки ее губ дрогнули в сдержанной, снисходительной улыбке победительницы.

Затем она взялась за ручку тяжелой двери из массива ореха и с мягким, глухим щелчком закрыла ее, отрезая себя от чужих взглядов и оставаясь один на один с пустующим ло-

говом своего личного хищника. Эта коммунальная квартира на двоих обещала быть очень жаркой.

Каэл не заставил себя долго ждать. Прошло около двух часов с того момента, как Оксана, оставшись одна, распаковала свои немногочисленные вещи и теперь просто стояла у панорамного окна, задумчиво глядя на раскинувшуюся внизу, задыхающуюся в пробках Москву.

Тяжелая дверь из массива ореха открылась бесшумно, но без стука — хищник просто вернулся в свою пещеру. Оксана почувствовала его появление спиной. Воздух в кабинете мгновенно стал плотным, наэлектризованным.

Она медленно обернулась. В ее серо-зеленых глазах плясали холодные искорки. Изумрудный шелк рубашки мягко переливался в свете ламп.

— Каэл… Викторович? — произнесла она с легкой, надменно-ироничной полуулыбкой, пробуя на вкус придуманное земное отчество. — Это отсылка к латыни? Сын победы?

Каэл остановился посреди кабинета. Он не стал снимать пиджак, лишь расстегнул пуговицу, и его губы изогнулись в медленной, хищной ухмылке. Он оценил ее выпад.

— Это отсылка к тому, что наши с тобой дети ни в чем не

будут нуждаться, — ровным, глубоким голосом ответил он, глядя ей прямо в глаза.

Оксана нервно сглотнула. Улыбка моментально слетела с ее губ. Слова ударили под дых, пробив броню иронии. Дети. Это была ее самая больная, самая тщательно скрываемая рана. Она до одури хотела ребенка, но оба ее бывших мужа — сначала один, потом второй — методично кормили ее завтраками. «Давай попозже», «надо пожить для себя», «еще не время, нужно закрыть ипотеку»… Они откладывали этот пункт на потом, пока просто не исчезли из ее жизни, оставив после себя лишь потраченные годы и горькое разочарование.

А этот мужчина-катастрофа, ворвавшийся в ее реальность из квантового сна, на второй день знакомства в этом мире швырнул ей в лицо абсолютную, железобетонную уверенность в их общем будущем. И в этом будущем он уже всё решил.

Она отвернулась к своему столу, чувствуя, как предательски дрожат пальцы.

Каэл тем временем прошел к своему массивному креслу и удобно, по-хозяйски раскинулся в нем, вытянув длинные ноги. Он наблюдал за ней не отрываясь.

— Что ж, Оксана, — произнес он с легкой провокацией в голосе. — Давайте проверим ваши таланты. Раз уж вы теперь мой заместитель.

Оксана мгновенно взяла себя в руки. Хозяйка таверны не позволяет гостям диктовать условия. Она резко развернулась к нему, опираясь руками о столешницу.

— Странно проводить экзамен товару после его покупки, — хлестко отрезала она, и в ее голосе зазвенел металл. — Я — дизайнер-проектировщик. И пока я не планирую менять свой курс. Я доделаю свой текущий проект комплекса.

Она села в свое кресло, плавно пододвинулась к монитору и взяла со стола большие профессиональные наушники.

— А вас, Каэл Викторович, — добавила она, бросив на него холодный, усмиряющий взгляд, — я попрошу не дышать слишком громко. Вы меня отвлекаете.

Она надела наушники, отрезая себя от звуков его мира, и демонстративно открыла на двух мониторах тяжелые чертежи 3D-модели.

Каэл чуть подался вперед. Его нисколько не задело ее хамство. Напротив. То, как она осадила его на его же терри-

тории, то, как вздымалась ее грудь под атласной тканью от сдерживаемого волнения, будило в нем первобытный восторг. В его мире женщины были либо покорными рабынями, либо хитрыми интриганками. Эта же смотрела ему в пасть и приказывала не дышать.

— Один — один, — произнес Каэл одними губами.

Он знал, что она не слышит, но видел, как она напряженно держит спину. Каэл откинулся на спинку кресла, сложив руки на животе, и принялся молча, с восхищением и абсолютно нескрываемым, тяжелым мужским вожделением смотреть на то, как она работает. Охота только начиналась, и дичь оказалась поистине королевской.



Каэл действительно был не просто грубой горой мышц. В своем мире, где самым страшным чудовищем всегда оставался человек — никаких мифических монстров там отродясь не водилось, только жестокость, жадность и войны — он выжил и поднялся на вершину благодаря феноменальной реакции и тонкому, холодному аналитическому уму.

Пока Оксана, отгородившись от него наушниками, чертила свои проекты, он вспоминал таверну. Ее таверну. Он помнил, как в часы затишья перебирал книги в ее библиотеке, сотканной из нитей ее подсознания. Это были странные, умные и чуть наивные сказки для взрослых, философские трактаты о свободе и архитектурные альбомы. Изучая их, он изучал ее саму.

Каэл никогда не был тем, кого в этом мире грубо назвали бы «бабником». Он не разменивался на случайные связи, не искал тепла в пустых объятиях. Его звериная преданность, если уж он выбирал, была абсолютной и пожизненной. Он знал, что кроме Оксаны больше не взглянет ни на одну женщину ни в том, ни в этом мире. Но Оксане, привыкшей к предательствам и инфантильности земных мужчин, это было пока неведомо. Она видела в нем лишь наглого захватчика.

Она старательно и на удивление спокойно работала над сложным узлом 3D-модели, пока часы на мониторе не пока-

зали 13:30.

Каэл, все это время молча и неподвижно наблюдавший за тем, как солнечный свет играет в ее волосах, плавно поднялся.

— Время, Оксана. Мы идем нормально поесть, — его тон не терпел возражений, но в нем не было агрессии. — Забудь про автоматы с шоколадками в коридоре. Заместителю генерального директора не по рангу питаться пластиковым мусором.

Оксана сняла наушники. Аргумент про статус прозвучал логично, а желудок действительно предательски сжался от голода. Она молча сохранила проект, взяла сумочку и кивнула.

Они спустились на подземную парковку и через десять минут оказались в ресторане премиум-класса, скрытом от посторонних глаз в одном из тихих переулков Остоженки. Внутри царил бархатный полумрак, пахло трюфелем, дорогим парфюмом и свежей выпечкой. Зал был зонирован так, что каждый столик казался отдельным островком. Их проводили к уютной нише с глубокими, мягкими диванами обитыми изумрудным велюром — в тон ее рубашке.

Каэл сел рядом с ней на один диван. Оксана инстинктивно напряглась, но он лишь закинул руку на спинку далеко за ее спиной, оставляя между ними комфортные полметра. Он не давил. Не вторгался в ее личное пространство, давая возможность дышать. Этот тактический ход сработал идеально.

Официант бесшумно принес еду: тартар из мраморной говядины, нежнейшие гребешки и бокал ледяного, хрустящего Шабли для нее. Спустя полбокала вина напряжение в плечах Оксаны наконец-то начало отпускать. Еда была божественной.

Каэл методично расправлялся со стейком слабой прожарки, запивая его черным кофе, и внимательно разглядывал публику в зале.

— Странный у вас мир, Оксана, — произнес он, нарушая тишину. Его голос звучал задумчиво. — Оружия ни у кого нет, крови на улицах тоже, но пахнет постоянной войной.

Оксана промокнула губы салфеткой и с интересом посмотрела на него.

— У нас не убивают мечами, Каэл. У нас убивают стрессом, кредитными ставками и корпоративными интригами. Это война на истощение.

— Я заметил, — Каэл чуть повернул голову к ней. — Сегодня на Совете директоров я смотрел на этих людей. Они делят ресурсы, строят козни, улыбаются друг другу в лицо, а под столом держат ножи. Только ножи у них бумажные — контракты, суды, акции. В моем мире всё честнее. Если кто-то хочет твою землю, он приходит с армией, и ты видишь его в лицо. А здесь?

— А здесь цивилизация, — Оксана усмехнулась, откидываясь на спинку дивана. Алкоголь и вкусная еда развязали язык. — Нам нельзя убивать друг друга физически. Поэтому люди изобрели тысячи способов уничтожать друг друга морально. Ты на Совете директоров был как волк среди стаи породистых, но очень хитрых пуделей. Они тебя боятся.

— Они не понимают моей мотивации, — ровно ответил Каэл. — Они думают, я пришел за их деньгами. Они пытались купить меня бонусами и опционами.

— А ты пришел не за этим? — Оксана приподняла бровь.

Каэл посмотрел ей прямо в глаза. Темно, глубоко, без малейшей тени улыбки.

— Ты прекрасно знаешь, за чем я пришел из пустоты. Вернее, за кем.

Оксана отвела взгляд, чувствуя, как щеки обдает жаром. Она поспешно перевела тему:

— Моя работа… то, что я проектирую. Это не просто здания. В этом мире, где все воюют со всеми, людям нужны крепости. Я создаю жилые комплексы так, чтобы человек, закрыв дверь, чувствовал абсолютную безопасность. Как в бункере, только красивом.

Каэл чуть заметно кивнул, его глаза одобрительно блеснули.

— Значит, ты и здесь строишь свою таверну. Убежище на границе Темного леса, где путник может снять доспехи. Ты не изменилась, Элина. Твой разум работает как у лучшего фортификатора. Ты создаешь зоны безопасности для других.

Оксана замерла, пораженная его точностью. Ни один из ее бывших мужей никогда не пытался вникнуть в суть ее профессии, считая ее просто «девочкой-рисовальщицей». А этот наемник, едва попав в ее мир, за полдня разложил по полочкам и суть местной экономики, и глубинный психологический смысл ее архитектурных проектов.

— А кто создаст зону безопасности для меня? — вдруг, совершенно неожиданно для самой себя, тихо спросила Оксана. Вино предательски сняло внутренние фильтры.

Каэл не сдвинулся с места, не попытался ее обнять или схватить. Он лишь чуть склонил голову, и его голос зазвучал как низкий рокот:

— Моя спина достаточно широкая, чтобы закрыть тебя от любого Совета директоров, бывших мужей и всего этого бетонного мира. Тебе нужно только позволить мне встать впереди.

Оксана посмотрела на его профиль — резкий, точеный, хищный. Диалог двух умных людей, начавшийся как анализ чужого мира, неумолимо сводился к одной-единственной истине, от которой она так отчаянно бежала с самого утра.

****

Каэл коротким, не терпящим возражений тоном по телефону отменил все встречи и совещания на вторую половину дня. Положив мобильный на стол, он посмотрел на Оксану, расслабленно откинувшуюся на спинку изумрудного дивана.

— Мы едем ко мне, — просто сказал он.

И Оксана, к своему собственному удивлению, кивнула. Алкоголь приглушил голос внутреннего контролера, уступив место жгучему женскому любопытству. Она — хозяйка таверны, привыкшая принимать его на своей территории. Ей было безумно интересно увидеть, где и как обустроил свое логово этот хищник, оказавшись в ее бетонном мире.

Его квартира находилась на двадцать третьем этаже элитного жилого комплекса бизнес-класса. Когда Каэл распахнул перед ней тяжелую дверь, Оксана невольно залюбовалась. Пространство было огромным, мужским и безупречно стильным. Никаких лишних деталей, только дорогие фактуры: темный дуб на полу, графитовые панели на стенах, матовый черный металл, тяжелая кожа мягкой мебели и панорамные окна в пол, за которыми Москва зажигала свои вечерние огни.

Это было идеальное убежище воина. Лаконичное, дорогое, дающее стратегический обзор с высоты птичьего полета.

Оксана медленно прошлась по гостиной, касаясь кончиками пальцев холодной поверхности мраморного кухонного острова, проводя рукой по спинке кожаного кресла. Ее изумрудная атласная рубашка сияла ярким пятном на фоне темного, строгого интерьера.

Каэл стоял у входа, прислонившись плечом к стене, и не сводил с нее глаз. Он с наслаждением наблюдал за тем, как она, словно изящная кошка, исследует его территорию. Воздух между ними начал стремительно густеть, наполняясь тяжелым, электрическим эротическим напряжением. Когда Оксана обернулась, поймав его потемневший взгляд, у нее перехватило дыхание. Каэл неслышно подошел вплотную. Его рука медленно поднялась, горячие пальцы почти невесомо скользнули по шелку на ее плече, задев открытую кожу шеи. Оксана судорожно выдохнула, ее губы приоткрылись, тело инстинктивно подалось навстречу этому гипнотическому магниту. Память тела кричала о том, как эти руки могут сжимать, ласкать и подчинять.

Но Каэл лишь хрипло выдохнул, убрал руку и отступил на шаг.

Оксана не знала того, что беспощадным таймером стучало в его висках. Законы квантового перехода были неумолимы. В этот, первый прорыв в ее реальность, матрица мира могла удерживать его не больше сорока восьми часов. И теперь у него оставалось чуть больше двенадцати. Двенадцать часов до того, как его вышвырнет обратно. Он не хотел тратить эти драгоценные минуты на животную страсть, которая неизбежно закончилась бы тем, что она проснулась бы одна в пустой постели, чувствуя себя брошенной. Нет. Ему нужна

была ее душа, ее спокойствие. Ему нужно было просто надышаться ею.

Ближе к вечеру Каэл заказал доставку из закрытого ресторана авторской кухни. Еду привезли в термобоксах, и они накрыли ужин прямо на низком столике у панорамного окна.

Это было потрясающе вкусно. Сочные фаланги камчатского краба в сливочно-чесночном соусе, тающие во рту медальоны из телятины с трюфельным пюре, запеченные овощи с дымком и легкий салат с грушей и сыром дорблю. Каэл открыл бутылку густого, бархатного Пино Нуар.

Вечер получился удивительно теплым и интимным. Они сидели на пушистом ковре прямо на полу, ели, пили вино и разговаривали. Броня Оксаны окончательно растаяла. Она смеялась, рассказывала о забавных случаях со стройки, а Каэл слушал ее так, словно каждое ее слово было откровением. Впервые за долгие годы Оксана чувствовала, что мужчина рядом с ней не пытается ее использовать, подавить или переделать. Он просто был рядом — огромный, смертоносный для других, но абсолютно безопасный для нее.

Усталость от пережитого шока, вино и сытный ужин взяли свое. Оксану начало клонить в сон.

Каэл молча поднялся, подхватил ее на руки, словно она

ничего не весила, и отнес в спальню. Широкая кровать была застелена прохладным темно-серым бельем. Он бережно опустил ее на подушки, не делая никаких попыток раздеть, лишь снял с нее туфли-лодочки. Оксана, даже не сопротивляясь, свернулась калачиком, инстинктивно подтягивая к себе одеяло.

Каэл лег рядом, прямо поверх покрывала. Он не пытался сблизиться или перейти черту. Подперев голову рукой, он смотрел, как расслабляются черты ее лица, как выравнивается дыхание. Оксана провалилась в глубокий, спокойный сон.

Осторожно, чтобы не разбудить, Каэл протянул руку и начал медленно, почти невесомо гладить ее густые, волнистые каштановые волосы. В его груди разливалась щемящая, незнакомая прежде нежность, смешанная с горьким привкусом скорой разлуки. Пространство вокруг него уже начало едва заметно вибрировать — квантовая физика этого мира готовилась отторгнуть чужеродный элемент.

Но страха не было. Была лишь холодная, стальная решимость. Он нашел дорогу один раз. Он пробьет эту стену снова, даже если придется разорвать ткань мироздания в клочья.

Когда вибрация стала невыносимой, Каэл бесшумно под-

нялся. Он взял со стола лист плотной бумаги и черную перьевую ручку.

Положив рядом с листом тяжелые ключи от Гелендвагена, магнитный пропуск от квартиры и две черные матовые банковские карты премиум-класса без лимита, он быстро написал своим размашистым, твердым почерком:

«Оксана, скоро буду.

Вот пароли от моих карт и ключи от квартиры и автомобиля.

До скорой встречи, королева таверны. И моя».

Он бросил последний взгляд на спящую женщину, вбирая в себя ее образ, и шагнул в мерцающую пустоту квантового разлома.

Герцогиня Белого Озера

Резкий, рвущий звук разорвал тишину подвала. Воздух в каменном мешке словно взорвался, сжался в невыносимо плотный шар и с оглушительным хлопком выплюнул Каэла обратно.

Его бросило на холодные, неровные камни пола. Каэла крючило от фантомной боли — квантовый переход выкручивал кости и выворачивал наизнанку нервную систему. Огромный наемник, сцепив зубы до хруста, тяжело, с рыком втянул в легкие затхлый, пропитанный плесенью воздух своего родного мира.

Ильмен — старый гений и абсолютно безумный инженер квантов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.